ПОНЯТІЕ ПСИХИЧЕСКАГО РИТМА

B F
682

КАКЪ НАУЧНОЕ ОСНОВАНІЕ

ПСИХОЛОГІИ ПОЛОВЪ

П. Е. Астафьева.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

1B.

Пров. 1959
Пр.
ВТ
632
1400
27

Дозволено цензурой. Москва, 17 января 1882 года.

Начавъ печатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ очеркъ психологіи женщины, я желалъ—не повторять старые доводы одной изъ принимавшихъ участіе въ давнемъ спорѣ партій противъ другой, но—по мѣрѣ силъ способствовать болѣе научному *рѣшенію вопроса. Вопросъ такъ важенъ, что заговоривъ о немъ, нужно высказаться до конца и вполнѣ точно, не оставляя ни одного существеннаго момента невыясненнымъ. Въ то же время научная* постановка *вопроса и предлагаемое мною* начало рѣшенія *его настолько составляютъ въ наукѣ психологіи новость что требуютъ болѣе полнаго и научнаго изложенія и доказательства, чѣмъ какія допускаются условіями журнальной легко читающейся статьи. Вотъ причины побудившія меня къ изданію очерка теоріи психическаго ритма нѣсколько ранѣе чѣмъ я расчитывалъ сдѣлать это, и въ болѣе сжатой, неполной и ненаучной формѣ чѣмъ требовалось бы научнымъ интересомъ предмета. Да послужатъ эти причины въ глазахъ читателя извиненіемъ недостаткамъ предлагаемой брошюры, спѣшность изданія которой тѣмъ болѣе можетъ быть оправдана, что одинъ критикъ уже поторопился обвинить меня съ нѣсколько преждевременною строгостью въ нѣкоторой голословности утверждаемыхъ мною въ статьѣ „Психическій міръ женщины“ положеній. Я не берусь проповѣдывать, но стараюсь изслѣдовать, — дурно ли, хорошо ли, это другой вопросъ.*

П. АСТАФЬЕВЪ.

Москва.
1882 года 12 января.

ПОНЯТІЕ ПСИХИЧЕСКАГО РИТМА

КАКЪ НАУЧНОЕ ОСНОВАНІЕ

ПСИХОЛОГІИ ПОЛОВЪ

Можетъ ли вопросъ о психическихъ особенностяхъ половъ разсматриваться и рѣшаться *научно*, то-есть какъ одинъ изъ вопросовъ научной психологіи, или же сама психологія въ отношеніи этого вопроса лишена самостоятельнаго голоса и ей суждено здѣсь ограничиваться только *выводами* изъ общихъ біологическихъ понятій съ одной стороны и—*истолкованіемъ* эмпирическихъ проявленій женщины и мущины въ исторіи, наукѣ, литературѣ и т. п. съ другой? Психологическіе выводы изъ біологическихъ теорій всегда болѣе или менѣе гадательны, гипотетичны, не обладаютъ никогда полною убѣдительностью. Таковы же необходимо и самыя даже остроумныя истолкованія сложныхъ, конкретныхъ проявленій психической жизни половъ въ исторіи; проявленія эти опредѣляются слишкомъ сложною совокупностью условій для того чтобы можно было съ увѣренностью рѣшить, какая доля въ нихъ должна быть отнесена насчетъ измѣнчивыхъ и случайныхъ условій времени, воспитанія, соціальнаго положенія и какая—насчетъ коренныхъ неизмѣнныхъ законовъ психической жизни. Поэтому только съ указаніемъ *въ послѣднихъ* основаніяхъ психическихъ особенностей половъ, получаетъ психологія возможность научно рѣшать вопросъ объ этихъ осо-

бенностяхъ. Только съ нимъ получается и начало оцѣнки выводовъ въ этой области изъ біологическихъ теорій и—разнорѣчащихъ толкованій сложныхъ фактовъ исторіи. Это именно указаніе основанія психическихъ особенностей половъ въ *коренномъ*, *чисто-психологическомъ* законѣ и составляетъ задачу предлагаемаго очерка.

Въ другомъ мѣстѣ (*Русскій Вѣстникъ* 1881 года, декабрь) я представилъ краткій очеркъ физіологическихъ особенностей половъ, который здѣсь предполагаю извѣстнымъ. Безъ знакомства съ нимъ, многое въ этой статьѣ будетъ неяснымъ.

Какое же отношеніе имѣютъ указанныя тамъ физіологическія особенности организма женщины къ ея психической жизни? Переходъ изъ одной области въ другую, доказательство того, что можно и должно говорить не только о женскомъ тѣлѣ, но и о женской душѣ, даютъ намъ уже указанныя отчасти тамъ особенности ея (соотвѣтствующей особенностямъ ея органическихъ функцій) впечатлительности и болѣе прямой и непосредственной связи ея впечатлѣній со всякаго рода двигательными реакціями на нихъ: *ихъ большая быстрота, живость, разнообразіе и точность, также какъ и легчайшая распространимость соотвѣтствующихъ имъ возбужденій на всю систему, при меньшей сосредоточенности и слѣдовательно работѣ силы въ отдѣльномъ актѣ.* Тою же формулой обратнаго отношенія быстроты дѣйствія къ его сосредоточенности, которая объяснила намъ коренныя физіологическія особенности женщины, будемъ мы руководствоваться и въ раскрытіи и объясненіи ея психическихъ особенностей. Въ этой послѣдней области примѣненіе ея еще непосредственнѣе чѣмъ къ физіологическимъ фактамъ, и объясненія психологическихъ фактовъ, даваемыя ею, если можно, еще очевиднѣе. Зависитъ такое значеніе принятой нами формулы въ психологіи—отъ той неизмѣримой важности, которую во всѣхъ психическихъ событіяхъ имѣетъ *время*, быстрота смѣны психическихъ актовъ и событій.

Общее значеніе большей или меньшей быстроты въ смѣнѣ психическихъ состояній, бо́льшаго или меньшаго *разнообразія* ихъ, непосредственно явствуетъ изъ того, что *смѣна* переживаемыхъ состояній есть первое необходимое условіе возникновенія того признака, которымъ психическое состояніе отличается отъ непсихическаго, то-есть *сознанія*: психическими какія-либо событія считаются лишь постольку, по-

сколько они или присутствуютъ въ сознаніи или *были* въ немъ раньше, или по меньшей мѣрѣ имѣютъ непосредственно *перейти* въ него. Существо, которое вѣчно переживало бы одно и то же состояніе, или состояніе измѣняющееся черезчуръ медленно и постепенно, не имѣло бы сознанія, такъ какъ сознанію для того чтобы *быть* необходимо *различать*. Но и одной внѣшней смѣны переживаемыхъ состояній еще недостаточно для того, чтобы переживающее ихъ существо имѣло знаніе о нихъ, чтобы они стали предметомъ внутренней точки зрѣнія: ледъ, переходя водъ вліяніемъ жара прежде въ жидкое состояніе—воду, а потомъ въ газообразное—паръ, не различаетъ этихъ состояній, хотя они и различны; въ глубокомъ снѣ мы можемъ проходить рядъ очень различныхъ состояній, нисколько не различая ихъ. Нужна еще особая *дѣятельность*, которою я отличалъ бы одно свое состояніе отъ другаго, узнавая ихъ *какъ свои* и сопоставляя эти свои состоянія одно съ другимъ *. Нужна и *различающая дѣятельность внимания* имѣющаго, какъ и всякая дѣятельность, бо́льшую или меньшую продолжительность, большее или меньшее напряженіе, оказывающаго *бо́льшее или меньшее дѣйствіе соотвѣтственно степени своего напряженія и продолжительности*. Какъ и всякая животная дѣятельность, вниманіе *утомляется* и—утомляется по опредѣленному закону: утомленіе его растетъ *быстрѣе* чѣмъ время, въ теченіе котораго оно сохраняетъ напряженіе въ *одномъ* направленіи; и есть извѣстная мѣра времени, не переходя за которую напряженіе вниманія данной силы не возбуждаетъ утомленія. И для вниманія существуетъ тотъ *законъ разнообразія, перемежающагося напряженія*, который обязателенъ и для всякой животной дѣятельности, напримѣръ для мускульной. Отъ условій, въ которыхъ

* Дѣятельный, волевой характеръ всей жизни сознанія все менѣе и менѣе можетъ подвергаться сомнѣнію, съ тѣхъ поръ какъ становится болѣе и болѣе яснымъ что ни одно изъ переживаемыхъ душою состояній *само по себѣ* не опредѣлено для сознанія, опредѣлено же для него въ той мѣрѣ, въ какой *различено* имъ отъ другихъ. Въ этомъ отношеніи роль *вниманія* также какъ и *движенія*, связаннаго со всякимъ ощущеніемъ чрезъ мышечныя чувства, иннерваціонныя и т. п. совершенно достаточно выяснены и не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ и произвольнымъ толкованіямъ. Большую заслугу въ этомъ направленіи должно признать за нѣкоторыми отдѣлами *Психологіи* г. Владиславлева.

данномъ случаѣ осуществляется этотъ законъ, зависитъ и психическій результатъ дѣятельности вниманія,—такая или иная *различенность или слитность* бо́льшаго или меньшаго числа состояній, на различеніе которыхъ оно направлено, такія или иныя *чувства* сопровождающія напряженія вниманія такой-то силы и продолжительности, необходимыя для того чтобы получился требуемый результатъ этого напряженія,—опредѣленное ощущеніе, связь между ощущеніями, опредѣленное движеніе и т. п. Отъ такой или иной мѣры времени, уходящей на акты вниманія, отъ такого или инаго разнообразія и быстроты ихъ, такимъ образомъ зависитъ и мѣра *напряженій вниманія* съ соотвѣтствующими ей *чувствами* и характеръ достигаемыхъ *результатовъ*. А результаты—вся сознательная психическая жизнь и вся та сфера безсознательной жизни, которая представляетъ лишь складъ болѣе или менѣе организованныхъ слѣдовъ того что *было* въ сознаніи,—предшествующихъ работъ вниманія.

Мнѣ конечно невозможно доказывать здѣсь съ желательной полнотою всесторонней опредѣляемости психическихъ дѣятельностей (запоминанія, воспроизведенія, ассоціаціи и диссоціаціи, слѣдовательно и воображенія и разсудка) по ихъ напряженію и результатамъ,—бо́льшею или меньшею быстротой смѣны психическихъ состояній и дѣйствій,—быстротою того что можно назвать *психическимъ ритмомъ*. Такое полное доказательство можетъ дать только изложеніе всей системы психологіи; *въ предѣлахъ же нашей задачи* достаточное *разъясненіе* долженъ представить послѣдующій очеркъ. Но уже здѣсь не лишнее указать на нѣкоторыя *выгоды* примѣненія понятія психическаго ритма въ психологіи, и на *возможность* этого примѣненія въ виду имѣющихся уже налицо научныхъ данныхъ. За послѣднее время психологія вообще и психофизика въ особенности выдвинули впередъ массу фактовъ, указывающихъ на *постоянное отношеніе* длительности нѣкоторыхъ психическихъ дѣятельностей и состояній къ измѣненіямъ въ ихъ качествахъ и мѣрѣ. Опредѣлены болѣе или менѣе величины времени, потребнаго для различенія двухъ ощущеній, соотвѣтствующія какъ *относительной разницѣ* между вызывающими ихъ раздраженіями, такъ и абсолютной *величинѣ* этихъ раздраженій. Извѣстны и измѣненія времени различенія смотря по бо́льшей или меньшей *привычности* различаемыхъ ощущеній, бо́льшему или меньшему *контрасту* между

ними или сходству ихъ по качеству, т.-е. смотря по бо́льшей или меньшей суммѣ обусловливаемой этими обстоятельствами *работы различающаго* сознанія. Извѣстна и зависимость ясности воспоминаемости пережитаго состоянія отъ извѣстной мѣры его длительности, и зависимость длительности какого-либо сложнаго психическаго акта отъ бо́льшаго или меньшаго количества сознательныхъ (раздѣльныхъ) моментовъ участвующихъ въ его произведеніи. * Извѣстно какъ съ продленіемъ однихъ состояній они за извѣстными предѣлами постепенно блѣднѣютъ для сознанія и теряютъ въ силѣ, другія же, наоборотъ, возрастаютъ до чрезмѣрной силы; ** извѣстно поэтому *какъ* должны быть увеличиваемы раздраженія одного рода для того чтобы въ теченіе даннаго времени поддерживать соотвѣтствующее ощущеніе на одинаковой высотѣ, и наоборотъ, какъ они должны быть уменьшаемы для достиженія того же результата въ другихъ случаяхъ. Не удивительно поэтому если въ виду всѣхъ этихъ фактовъ нѣкоторые психологи указываютъ (напримѣръ А. Бэнъ) какъ на „важное средство психическаго измѣренія“, на время или „длительность состояній психическаго возбужденія, быстроту смѣны представленій или перехода состояній отъ одной степени къ другой.“ *** Скорѣе можно было бы удивляться тому что *этой мѣрѣ* психическихъ напряженій и отношеній между психическими дѣятельностями до сихъ поръ не дали болѣе *общаго и широкаго* примѣненія въ наукѣ о душѣ вообще, несмотря на повторяющіяся такъ часто, болѣе или менѣе огра-

---

* Существенна здѣсь *раздѣльность*, *различенность* составляющихъ моментовъ, а не то *что именно* служитъ въ данномъ случаѣ моментомъ цѣлаго, раздѣльною единицей въ его составѣ; ощущеніе ли, какъ моментъ воспріятія, или представленіе, какъ моментъ другаго представленія или понятія, или понятіе, какъ моментъ системы и т. п. Одно и то же представленіе, воспріятіе, понятіе можетъ быть и очень раздѣльнымъ, сложнымъ цѣлымъ и очень слитнымъ, принимаемымъ въ разчетъ только какъ единица, моментомъ другаго цѣлаго, смотря по той или иной задачѣ совершаемой въ данномъ случаѣ съ его привлеченіемъ работы сознанія (можетъ быть опредѣлено бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ признаковъ, или—само быть только признакомъ). *Существенна большая или меньшая раздѣльность, распредѣленіе дѣятельности вниманія въ данную единицу времени.*

** Чувства боли.

*** *Bain.* „The emotions and the will“. 3 ed. p. p. 25 segg.

ниченныя и безуслѣшныя, или не выходящія за предѣлы однихъ общностей, * попытки найти мѣру для измѣренія психическихъ величинъ.

Время—и наиболѣе *прямо* примѣнимая къ своему предмету мѣра, наиболѣе естественная, тогда какъ всѣ другія предлагаемыя мѣры приложимы къ нему лишь чрезъ болѣе или менѣе сложныя комбинаціи заключеній. ** Время стоитъ и въ наиболѣе *непосредственномъ* *** отношеніи къ измѣряемымъ имъ психическимъ величинамъ, тогда какъ другія мѣры (напримѣръ энергія внѣшняго выраженія для сужденія объ энергіи соотвѣт-

---

* Напримѣръ, попытка *Tarde* найти эту мѣру въ désir и croyance (въ Revue philosophique 1879 года) или вполнѣ неудачная попытка измѣренія чувствованій въ *Психологіи* г. Владиславлева.

** Таковы, напримѣръ, всѣ попытки измѣрять психическія величины по соотвѣтствующему психическимъ состояніямъ внѣшнему *раздраженію*, или по ихъ внѣшнему *выраженію*. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ между измѣряемымъ психическимъ состояніемъ и измѣряющимъ внѣшнимъ раздраженіемъ или выраженіемъ стоитъ еще третій, посредствующій членъ—нервно-мускульный аппаратъ, съ одной стороны не могущій не опредѣлять своими привычными и преходящими особенностями какъ степени воспріимчивости къ раздраженіямъ, такъ и энергіи и рода внѣшняго выраженія, и съ другой—измѣненія котораго слишкомъ еще неизвѣстны и сами по себѣ, и въ особенности *въ отношеніи* ихъ къ психическимъ измѣненіямъ. Благодаря этому обстоятельству, остается всегда спорнымъ: есть ли найденная мѣра раздраженія и выраженія—мѣра психическаго измѣненія, или же измѣненія нервно-мускульной системы? и законъ измѣненія мѣръ раздраженія и выраженія логариемически или пропорціонально измѣненіямъ психическихъ мѣръ—есть ли законъ чисто физическій (Delboeuf) или психофизическій (Фехнеръ), или психическій (Вундтъ)? Этого не можетъ случиться съ закономъ, полученнымъ отъ измѣренія *самой психической дѣятельности* (вниманія) какъ такой.

*** Повидимому непосредственнѣе измѣреніе, прилагаемое не къ психической *дѣятельности*, какъ такой, а къ ея результатамъ, психическимъ *состояніямъ*, представленіямъ (по ихъ контрасту, родству и т. д. въ школѣ Гербарта) или чувствамъ (по ихъ энергіи, глубинѣ, возрастанію, какъ неудачно дѣлаетъ г. Владиславлевъ въ своемъ послѣднемъ, основательномъ трудѣ). Но всѣ попытки такого рода, съ одной стороны, падаютъ предъ невозможностью принять какое-либо представленіе или чувство за *неизмѣнно-опредѣленную* величину, единицу мѣры, а съ другой—могутъ дать много любопытныхъ для психолога куріозовъ, но—ни малѣйшаго *объясненія законовъ* психической жизни и дѣятельности; даютъ лишь эмпирическія обобщенія.

ствующаго чувства) не могутъ давать такихъ несомнѣнныхъ показаній, завися отъ слишкомъ сложной совокупности условій различныхъ порядковъ (физіологическихъ, соціальныхъ, самаго спеціальнаго опыта и т. п.). Наконецъ время и самая *общая*, примѣнимая ко *всѣмъ* психическимъ состояніямъ, и наиболѣе *точно* измѣримая величина изо всѣхъ почти предлагаемыхъ для психическихъ измѣреній. * Было произведено множество опытовъ и расчетовъ съ цѣлью опредѣлить *дѣйствительную* величину времени, потребнаго для совершенія одного простѣйшаго психическаго акта, напримѣръ, отвѣта на полученный посредствомъ уха или глаза сигналъ, или произвольнаго сокращенія мышцъ вслѣдъ за возбужденіемъ, или—для перехода отъ одного впечатлѣнія къ другому, совмѣстному, при сосредоточеніи вниманія то на одномъ, то на другомъ. Приэтомъ получали для разныхъ психическихъ дѣятельностей и для разныхъ чувствъ различные minimum'ы времени. Такъ Гельмгольцъ высчиталъ $^1/_{10}$ долю секунды на передачу нерву и соотвѣтствующей мышцѣ отвѣта на дошедшее до сознанія возбужденіе; Виттихъ на превращеніе впечатлѣнія въ ощущеніе или желаніе высчитываетъ отъ $^3/_4$ до $^1/_{10}$ доли секунды; Вундтъ разницу между моментами, когда до сознанія доходятъ два одновременныя раздраженія уха и глаза, опредѣляетъ въ $^1/_8$ долю секунды; для выраженія знакомъ ощущенія, полученнаго раздраженіемъ осязательныхъ нервовъ (на лбу), нашли $^1/_8$ секунды, для выраженія слуховаго ощущенія $^1/_6$ секунды, а для выраженія зрительнаго $^1/_5$ секунды. Мы думаемъ что эти вычисленія и опыты едва ли вполнѣ соотвѣтствуютъ задачѣ—найти minimum времени, необходимаго для одного *простѣйшаго психическаго* акта. Во всѣхъ этихъ опытахъ дѣло имѣютъ вопервыхъ съ болѣе или менѣе *сложными* психическими актами ** (переходомъ отъ

---

* Время объективно измѣримо, психическія же состоянія лишь въ своихъ *отношеніяхъ* другъ къ другу.

** Таковы напримѣръ опыты съ повтореніемъ услышаннаго слова или видѣннаго сигнала, гдѣ кромѣ полученія раздѣльнаго ощущенія и выполненія соотвѣтствующей группы движеній, требуется еще образованіе руководящаго представленія этой группы движеній, или предлагаемое Вундтомъ считаніе ударовъ маятника карманныхъ часовъ, гдѣ заняты и слушающее удары *ухо* и слѣдящій за секундною стрѣлкой *глазъ* и производящее операцію счета *сужденіе*, всего обыкновеннѣе сопровождаемое *говореніемъ счета про себя*, слѣдовательно извѣстною иннервацією голосовыхъ мышцъ.

ощущенія къ желанію, или отъ ощущенія одного рода къ ощущенію другаго рода, или отъ раздраженія къ движенію), а вовторыхъ производятся они при такихъ условіяхъ, гдѣ времена, уходящія на *физіологическіе* процессы (проведеніе возбужденія по разнымъ нервамъ, распространеніе его въ центрахъ, сокращеніе мышцы) трудно, если не невозможно выдѣлить изо всего времени для опредѣленія minimum'а времени, необходимаго для психическаго акта *какъ такого*. Болѣе соотвѣтствующими задачѣ и убѣдительными кажутся намъ другіе опыты, совершенные такъ, что не могло быть ни осложненія самаго психическаго процесса, * ни вліянія на быстроту смѣны психическихъ состояній физіологическихъ условій, такъ какъ послѣднія во всякій моментъ опыта были тождественны. Эти опыты (Прейеръ ** и др.) привели къ выводу что minimum времени, потребнаго для различенія двухъ послѣдовательныхъ ощущеній *одного* органа, для всѣхъ чувствъ приблизительно *одинаковъ* и составляетъ отъ $^1/_{32}$ до $^1/_{30}$ секунды (32 мерцанія одинаковаго свѣта въ секунду, 32 толчка одного рода для осязанія, 32 раздѣльныхъ колебаній воздуха для уха). Любопытны эти опыты и тѣмъ, что ло нимъ, несмотря на полное различіе функціи двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ, для дѣйствительнаго импульса движенію требуется *тотъ же* minimum времени, то-есть около $^1/_{30}$ секунды. Приблизительно тотъ же minimum требуется и для высшей чѣмъ различеніе простыхъ однородныхъ ощущеній операціи, для того мышленія словами, которое намъ наиболѣе привычно и относительно котораго г. Владиславлевъ остроумно вычислилъ что „скорость каждаго (читаннаго про себя) слова составитъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{33}$ доли секунды, обставляя впрочемъ свое *** вычисленіе всѣми нужными оговорками и

---

* Различеніе впечатлѣній одного рода и одной силы, скорость которыхъ высчитывалась не самимъ различающимъ субъектомъ и не по его сигналамъ, а механическими приборами, показывавшими точно *скорость* тамъ гдѣ субъектъ зналъ только *предѣлъ* различимости для него.

** *Пять чувствъ.*

*** *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ* с. 99 и сл. Эта разница скорости (отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{33}$) г. Владиславлевымъ приписывается интересу въ чтеніи и мѣрѣ подготовленности къ нему; съ другой же г. Владиславлевъ считаетъ невозможнымъ дѣлать отсюда серіозные выводы потому что въ его вычисленіи „взяты вмѣстѣ всѣ слова, существительныя и глаголы вмѣстѣ съ нарѣчіями и предлогами".

ограниченіями. Какъ бы ни была, во всякомъ случаѣ, соблазнительна надежда отыскать *дѣйствительный* (конкретный) minimum времени, необходимаго для одного (простаго) психическаго акта,—въ особенности же еслибы этотъ minimum оказался однимъ и тѣмъ же и для всѣхъ органовъ чувствъ, и для двигательныхъ импульсовъ, и для высшихъ дѣятельностей мышленія, указывая такимъ образомъ на *коренной законъ перемѣняемости психической дѣятельности и ея норму*,—не отъ ея осуществленія зависитъ все дѣло. Еслибы и не удалось найти дѣйствительнаго minimum'а времени, какъ мѣры психическаго акта, или еслибы эти дѣйствительные минимумы для разныхъ областей психической жизни оказались весьма различны; то достаточно было бы одного *закона постояннаго отношенія между измѣненіями временъ психическихъ событій и измѣненіями самыхъ этихъ событій и ихъ фокторовъ (по ихъ роду, взаимному отношенію и степени), для того чтобы время могло дѣйствительно считаться точною мѣрой психическихъ величинъ*. А таково отношеніе между ними несомнѣнно,* и съ этой точки зрѣнія примѣненіе понятія психическаго ритма къ изученію душевной жизни (*какъ результата психической дѣятельности*) заранѣе ручается за свою плодотворность. Не говоря уже о томъ что въ перспективѣ такого примѣненія для психологіи рисуется хотя отдаленная возможность достиженія высшаго идеала научной точности и простоты, возможность *математически* опредѣленнаго выраженія ея главныхъ законовъ,—наиболѣе общихъ отношеній между основными психическими дѣятельностями и событіями,—примѣненіе это интересно и въ другомъ отношеніи. Интересно оно потому что время, смѣна во времени, представляетъ нѣчто *общее* двумъ обширнѣйшимъ точкамъ зрѣнія, внутренней и внѣшней, явленіямъ жизни психической, какъ и физической, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ раздѣленныхъ одно отъ другаго непроходимой

Но разница въ интересѣ и подготовленности къ извѣстному чтенію обусловливаетъ собою большую или меньшую *раздѣльность* читаемыхъ обозначеній представленій и понятій, а эта раздѣльность, какъ мы уже видѣли, прямо пропорціональна времени; разница же между существительнымъ и предлогомъ напримѣръ, выражается также и въ большей или меньшей раздѣльности мышленія того и другаго.

* Въ особенности ясно убѣждаетъ въ этомъ изученіе *Эстетики*, гдѣ ритмъ, постепенность, смѣна такъ существенны.

пропастью;—что поэтому только съ точки зрѣнія времени, смѣны дѣятельностей во времени, и возможно подойти къ вопросу о какомъ бы то ни было *взаимодѣйствіи* души и тѣла,—жизни внѣ условій пространства и пространственнаго движенія. Лотце въ своей Medicinische Psychologie намекалъ (не одобряя такого пути) на возможность подступить къ вопросу объ отношеніи несоизмѣримыхъ въ другихъ отношеніяхъ души и тѣла, со стороны *періодичности* дѣятельности въ душѣ и *періодичности* (смѣны напряженій во времени) всякаго движенія въ пространствѣ; были и попытки выполненія этой мысли. Вопросъ же объ отношеніи души и тѣла, хотя о немъ и менѣе говорятъ теперь, чѣмъ говорили прежде, вовсе не вопросъ отъ котораго отдѣлались „вмѣстѣ со всякими метафизическими бреднями, разъ навсегда.“ * Преобладающая въ наше время теорія полнаго параллелизма явленій психическихъ и физическихъ, какъ явленій съ *двухъ точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ*, внутренней и внѣшней, временно повидимому освобождающая насъ отъ роковаго вопроса: какъ мыслимо взаимодѣйствіе души и тѣла? вовсе не упраздняетъ этого вопроса окончательно. Мы уже выше указывали на то что двѣ „точки зрѣнія“ вовсе не *покрываютъ одна другую ни по объему, ни по значенію*, что поэтому и параллелизмъ явленій двухъ порядковъ не можетъ быть полнымъ, обнимающимъ все содержаніе всякой изъ двухъ точекъ зрѣнія, а при этомъ уже сомнительно, не суть ли двѣ точки зрѣнія, или одна изъ нихъ, нѣчто большее чѣмъ простыя *точки зрѣнія* на одинъ и тотъ же предметъ. Затѣмъ, въ концѣ концовъ, выступаетъ старый и неразрѣшимый для теоріи двухъ точекъ зрѣнія вопросъ: откуда берется, почему необходимо самое двойство точекъ зрѣнія?

Какое значеніе, во всякомъ случаѣ, ни придали бы мы понятію психическаго ритма, какъ основной и все собой опредѣляющей доктринѣ системы психологіи въ *ея цѣломъ*, ** мы имѣемъ несомнѣнно достаточно основаній для примѣне-

---

* Хотя бы и перенесли его на почву точныхъ изслѣдованій, заслугу чего Дельбефъ, нѣсколько преувеличивая, приписываетъ Фехнеру.

** Сказанное нами здѣсь черезчуръ кратко и обще для вопроса такой научной важности; но здѣсь мы не имѣли возможности быть точнѣе и полнѣе, въ другой же, болѣе спеціальной работѣ, надѣемся вскорѣ изложить наши взгляды на этотъ предметъ болѣе основательно, систематично и подробно.

нія этого понятія къ разнымъ частнымъ психологическимъ задачамъ, въ которыхъ отношеніе между временемъ психической дѣятельности и ея свойствами, напряженіями и результатами, достаточно прочно уже установлено наукой *независимо* отъ общей теоріи психическаго ритма. Это примѣненіе есть очевидно и примѣненіе къ психическимъ явленіямъ закона сохраненія силы въ его формулѣ: скорость дѣйствія обратно пропорціональна его массѣ. Что же даетъ намъ эта формула въ своемъ психологическомъ примѣненіи?

Зная, *на что* именно уходитъ время, необходимое для того чтобы состоялись извѣстныя психическія событія и (оставаясь на почвѣ теоріи двухъ точекъ зрѣнія),* составляющія ихъ обратную сторону, физіологическую подкладку, нервно-мозговые процессы,—мы получимъ съ этой точки зрѣнія совершенно ясныя указанія на тѣ особенности психической жизни, которыя прямо вытекаютъ изъ большей или меньшей скорости ея ритма.

Здѣсь несомнѣнно прежде всего что чѣмъ въ психическомъ событіи болѣе элементовъ сознательности и произвольности, сознательной координаціи, тѣмъ на осуществленіе его идетъ больше времени.

Физіологически это объясняется тѣмъ что волнѣ нервнаго возбужденія требуется тѣмъ больше времени, чѣмъ къ болѣе высшимъ центрамъ она доходитъ до своего разрѣшенія въ движеніе, завершающее весь процессъ, и чѣмъ большее число нервныхъ элементовъ (клѣточекъ и разнообразныхъ связей между ними) она на своемъ пути проходитъ. Необходимость такого странствованія волны нервнаго возбужденія черезъ разные нервные элементы для того чтобы въ результатѣ его явилась опредѣленная психо-физіологическая функція, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ что, какъ прекрасно показываетъ Вундтъ въ своей *Физіологической психологіи:* 1) никакой нервно-мозговой элементъ не совершаетъ своихъ специфическихъ отправленій самъ по себѣ, но форма его функціи опредѣляется его связями и отношеніями къ другимъ, и 2) опредѣленная функція исходитъ отъ опредѣленнаго мѣста въ центральномъ органѣ, элементы котораго представляютъ систему нужныхъ связей для выполненія этой функціи. Поэтому волна возбужденія, не достигающая высшаго центра, не проходящая массы связанныхъ въ немъ и внѣ его нервныхъ клѣ-

* См. *Р. В.* 1881 г., XII, *Пс. м. ж.*, с. 618 и сл.

точекъ, но разрѣшающаяся въ движеніе прямо по достиженіи ближайшаго, перваго центра своего, клѣтки заканчивающей возбужденное волокно и соединенной коммиссурою съ клѣткой, начинающею волокно разрѣшающее возбужденіе, очень быстро проходитъ свой полный циклъ, но и не сопровождается психическимъ эффектомъ, ни *сознательностью* возбужденія, ни *произвольностью* его разрѣшенія (болѣе или менѣе задержаннаго и координированнаго движенія). И возбужденіе, и разрѣшеніе здѣсь остаются внѣ сознанія и носятъ чисто отраженный, роковой характеръ механическаго рефлекса. Психически, отрѣшенно отъ физіологической подкладки, на психическое событіе, когда оно сознательно и произвольно, уходитъ тѣмъ болѣе времени потому что чѣмъ болѣе въ немъ элементовъ сознательности и произвольности, тѣмъ болѣе для осуществленія его требуется *раздѣльныхъ* актовъ дѣятельности, напряженій *вниманія*. Въ психо-физіологическомъ смыслѣ вниманіе есть „произвольная иннервація“, всякая же иннервація какого-либо нервнаго пути требуетъ времени, пропорціональнаго длинѣ этого пути, сферѣ распространенія, своей силѣ и т. п. Психологически вниманіе есть сосредоточеніе сознанія, то-есть различенія однихъ психическихъ элементовъ (ощущеній ли, представленій ли) отъ другихъ и соединенія однихъ съ другими, на опредѣленномъ кругѣ этихъ элементовъ, въ виду опредѣленной задачи, съ исключеніемъ изъ этого круга всего внѣшняго ему, не относящагося къ дѣлу, съ удержаніемъ чуждыхъ элементовъ отъ вторженія въ этотъ кругъ. Только на основаніи этой дѣятельности вниманія и соотвѣтственно ея направленію, силѣ и роду и получается то или иное опредѣленное содержаніе сознанія. „Вниманіе, повторимъ мы вслѣдъ за г. Владиславлевымъ, * есть основа сознанія и самосознанія;

---

* *Психологія* II т. стр. 549. Но, говоря о невозможности сознанія безъ вниманія, г. Владиславлевъ допускаетъ возможность *вниманія безъ сознанія*, когда, напримѣръ, „человѣкъ до того поглощенъ впечатлѣніемъ, что вполнѣ отождествляетъ себя съ нимъ, забываетъ о себѣ и потому, какъ говорятъ, теряетъ сознаніе“ (ibid). Здѣсь теряется, съ одной стороны, не сознаніе, а самосознаніе, такъ что говорить о безсознательномъ вниманіи нѣтъ основанія. Съ другой стороны, г. Владиславлевъ самъ допускаетъ самосознаніе и безъ „яснаго самопредставленія (559), въ приведенныхъ же имъ примѣрахъ „безсознательнаго вниманія“ отсутствуетъ именно только ясное самопредставленіе.

невозможно сознавать что бы то ни было и не быть внимательнымъ къ сознаваемому состоянію, равно невозможно сознавать себя и быть въ этотъ моментъ невнимательнымъ къ самому себѣ". Поэтому нельзя упрекать въ преувеличеніи тѣхъ педагоговъ и психологовъ, которые во всемъ воспитаніи души и во всей ея исторіи видятъ воспитаніе и развитіе вниманія; медики же теперь уже далеки отъ того чтобъ игнорировать вліяніе направленія вниманія, его силы и управленія имъ (произвольности) на физіологическіе и патологическіе процессы, какъ видно, напримѣръ, изъ прекрасныхъ статей профессора Массеина „Матеріалы къ вопросу объ этіологическомъ значеніи психическихъ вліяній". Послѣ сказаннаго и физіологически понятно, почему простое видѣніе, осязаніе предмета, caeteris paribus, занимаетъ гораздо менѣе времени, чѣмъ разсмотрѣніе его, ощупываніе, требующіе большаго числа и болѣе энергичныхъ сокращеній мышцъ, управляющихъ глазомъ или органомъ осязанія, болѣе опредѣленныхъ иннерваціи и т. п. Понятно и психологически что тѣмъ менѣе времени требуетъ какой-либо психическій результатъ, чѣмъ онъ *менѣе требуетъ раздѣльныхъ* актовъ и напряженій вниманія, актовъ сложенія и разложенія психическихъ элементовъ, отвлеченія отъ однихъ, навязывающихся въ настоящую минуту, но не имѣющихъ отношенія къ дѣлу, и привлеченія другихъ, еще на лицо не имѣющихся. *Число этихъ актовъ сознательнаго сложенія и разложенія*, отвлеченія отъ наличнаго и привлеченія не имѣющагося на лицо, и составляетъ именно въ психологической области *эквивалентъ наличной сознательности и произвольности*, * какъ видно, напримѣръ, на постепенномъ ускореніи параллельно съ уменьшеніемъ сознательности и произвольности,—соотвѣтствующихъ переходу нашихъ дѣятельностей въ болѣе и болѣе привычныя и, наконецъ, во вторично автоматичныя изъ вполнѣ непривычныхъ и вполнѣ сознательныхъ, какими они были въ началѣ. „Степень ясности сознанія, повторимъ мы вслѣдъ за Ушинскимъ, зависитъ отъ количества выполненныхъ имъ соединеній." **

Поэтому мы вполнѣ вправѣ утверждать что чѣмъ быстрѣе вообще ритмъ душевной жизни даннаго существа, чѣмъ мень-

---

* Независимо отъ того *что именно* связывается и различается.

** *Опытъ педагогической антропологіи* I. 348.

ше единица времени уходящая на всякій изъ раздѣльныхъ психическихъ актовъ его, *тѣмъ менѣе эти акты допускаютъ и требуютъ напряженій вниманія*, тѣмъ болѣе въ нихъ преобладаютъ продукты *безсознательной* ассоціаціи, репродукціи, памяти и т. п., тѣмъ и проявленія этой жизни будутъ имѣть болѣе *непроизвольный*, *отраженный* характеръ.

Такимъ образомъ изъ двухъ существъ, у одного изъ которыхъ психическій ритмъ будетъ быстрѣе чѣмъ у другаго, одно окажется болѣе богатымъ тѣми формами ассоціаціи, памяти и репродукціи, которыя требуютъ менѣе сознательности и произвольности, менѣе раздѣльныхъ напряженій вниманія, а другое—наоборотъ. Въ этихъ отношеніяхъ (сознательности и произвольности) далеко не *всѣ* роды ассоціаціи поставлены въ одинаковыя условія. Самыя первыя по времени и самыя элементарныя по своему значенію въ психической жизни (какъ доставляющія матеріалъ для послѣдующихъ психическихъ работъ) ассоціаціи,—ассоціаціи по *смежности* въ пространствѣ и времени,—требуютъ менѣе другихъ ассоціацій напряженности вниманія, сознательности и произвольности уже потому что въ нихъ *порядокъ* ассоціируемыхъ впечатлѣній есть главнымъ образомъ не дѣло самодѣятельности ассоціирующаго ихъ субъекта, но самаго *испытанія* имъ этихъ впечатлѣній въ такой, а не иной послѣдовательности. Связь между впечатлѣніями дана уже частію въ послѣдованіи впечатлѣній отъ послѣдовательныхъ точекъ линіи контура, послѣдующихъ моментовъ времени и т. п. Цѣлое, составляющее продуктъ, ассоціацію, здѣсь слагается постепенно изъ частей, прибавляемыхъ одна къ другой въ порядкѣ опредѣляемомъ не сознательнымъ планомъ субъекта, но самою объективною смежностью раздраженій, дающихъ впечатлѣнія. И это цѣлое (наглядное представленіе—зрительное ли, слуховое ли) есть только *сумма* своихъ частей, только содержитъ ихъ *въ себѣ*,—ничего больше. Очевидно работѣ сознанія и произвольности въ связываніи этихъ частей мѣста гораздо *меньше* чѣмъ въ другаго рода ассоціаціяхъ, ассоціаціяхъ представленій какъ основаній и слѣдствій. Порядокъ ассоціируемыхъ какъ основанія и слѣдствія представленій не данъ простою объективною послѣдовательностью впечатлѣній или смежностью ихъ во времени, цѣлое не просто суммируется изъ прибавленія одной части къ другой. Напротивъ, цѣлое (*законъ* отношенія однихъ членовъ ассоціаціи къ другимъ

какъ слѣдствій къ основаніямъ) здѣсь опредѣляетъ самый такой или иной порядокъ расположенія ассоціируемыхъ частей; въ результатѣ процесса получается не сумма смежныхъ частей, а *законъ расположенія частей* цѣлаго въ такомъ или иномъ порядкѣ, не наглядное представленіе (содержащее свои части *въ себѣ*), но понятіе (содержащее свои части *подъ собой*), по очень старому, но незамѣненному лучшимъ опредѣленію отца новой философіи, Канта. Здѣсь очевидно связь и расположеніе частей ассоціаціи почти всецѣло дѣло произвольной и сознательной работы вниманія, психической самодѣятельности. Среднее положеніе между ассоціаціями перваго и втораго рода занимаютъ ассоціаціи по сходству, различію, контрасту и т. п., опредѣляемыя какъ независящими отъ произвола субъекта свойствами ассоціируемыхъ имъ впечатлѣній, такъ и выборомъ со стороны субъекта точки зрѣнія, *отношенія* въ которомъ ассоціируемые члены сходны или контрастируютъ одни съ другими. Здѣсь такимъ образомъ есть извѣстная доля самодѣятельности психическаго субъекта, связь ассоціируемыхъ членовъ въ нѣкоторой мѣрѣ есть дѣло сознательной и произвольной работы его вниманія, но весьма многое здѣсь опредѣляется и независящими отъ его произвола свойствами впечатлѣній и тѣмъ порядкомъ, въ которомъ они ему даются. Тогда какъ въ ассоціаціяхъ этого и перваго рода главное опредѣляется именно *даннымъ порядкомъ* впечатлѣній, въ ассоціаціяхъ втораго рода гораздо важнѣйшую роль играетъ не пассивное *испытаніе* ихъ въ такомъ-то порядкѣ, но активное *воспроизведеніе* частей въ порядкѣ, требуемомъ понятіемъ ихъ цѣлаго; однѣ ассоціаціи можно назвать механическими (части опредѣляютъ цѣлое), другія—органическими (цѣлое опредѣляетъ части). Послѣ этой краткой характеристики главныхъ видовъ ассоціаціи, по бо́льшей или меньшей сознательности и произвольности въ ихъ образованіи, мы имѣемъ полное основаніе утверждать что въ жизни существа съ болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ будутъ играть сравнительно бо́льшую роль наглядныя представленія, а не понятія, смежности во времени и пространствѣ и контрасты и сходства, а не законы основанія—и наоборотъ. Также понятно и что запоминаніе (а слѣдовательно и воспроизведеніе) впечатлѣній *механическое*, т.-е. въ томъ же порядкѣ въ какомъ они были испытаны,—запоминаніе которому произвольность и внимательное сознательное располо-

женіе запоминаемыхъ впечатлѣній или представленій только вредятъ, будетъ особенно ясно и прочно у существа съ быстрымъ психическимъ ритмомъ и слабѣе у существа съ болѣе медленнымъ. За то послѣднее будетъ выше въ дѣлѣ памяти (resp. репродукціи) разсудочной, логической, прямо пропорціональной бо́льшей или меньшей сознательности, бо́льшей или меньшей цѣлесообразности (произвольности) въ расположеніи запоминаемаго и репродуцируемаго матеріала.

Съ бо́льшею или меньшею произвольностью (сознательностью и цѣлесообразностью въ связываніи составляющихъ ихъ элементовъ, отдѣльныхъ представленій, ощущеній, побужденій etc.) нашихъ психическихъ состояній очень тѣсно связано и сопровождающее ихъ чувство *нашей подчиненности имъ* (des Ergriffenseins ими) или *зависимости ихъ отъ нашихъ* собственныхъ усилій, тѣсно связанъ и ихъ *тонусъ*, придающій имъ бо́льшую или меньшую непосредственную цѣнность, реальность для психической жизни, бо́льшую или меньшую живость и яркость. Бо́льшая живость и яркость впечатлѣній съ одной стороны, какъ мы увидимъ, и *прямо* зависитъ отъ быстроты психическаго ритма и слѣдовательно *меньшей постепенности* въ переходѣ отъ одного къ другому; съ другой же стороны они тѣсно связаны съ чувствомъ непроизвольности ихъ возникновенія, съ чувствомъ что не мы обладаемъ ими, но они обладаютъ нами, органически захватили насъ въ свое теченіе, и мы, имѣя ихъ въ данную минуту, не имѣть ихъ несмотря на всѣ наши усилія и желаніе не можемъ.

Таково главное различіе между чувственными воспріятіями, представленіями по поводу *непосредственныхъ* чувственныхъ возбужденій и представленіями въ собственномъ смыслѣ, воспроизведеніями прежней группы впечатлѣній по воспоминанію, при отсутствіи наличнаго возбужденія. Послѣднія вообще (не безъ ограниченій впрочемъ, напримѣръ, не въ сновидѣніяхъ или при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ разстройствахъ) *блѣднѣе*, *слабѣе* первыхъ, и въ этомъ многіе психологи видѣли даже *все* отличіе между міромъ непосредственныхъ, реально испытанныхъ впечатлѣній и міромъ идеально-воспроизводимымъ въ представленіи. У англійскихъ психоловъ и теперь еще можно встрѣтить положеніе что представленіе (воспроизведеніе по воспоминанію прежней группы впечатлѣній) есть только *болѣе слабое*, болѣе блѣдное впечатлѣніе, которому и физіологически отвѣчаетъ болѣе слабое возбужденіе

тѣхъ же самыхъ нервныхъ волоконъ и клѣтокъ, которые только сильнѣе возбуждаются при непосредственномъ чувственномъ раздраженіи. Но дѣло и нѣсколько менѣе просто, и нѣсколько болѣе поучительно. Дѣло въ томъ что при всякомъ непосредственномъ чувственномъ возбужденіи, вмѣстѣ съ представленіемъ (если оно имѣетъ мѣсто) появляется и цѣлая масса мышечныхъ чувствъ, аккомодоціонныхъ, иррадіаціонныхъ и т. л., создающихъ своею совокупностью (вмѣстѣ съ измѣненіями первоначальнаго ощущенія по мѣрѣ аккомодоціонныхъ движеній) чувство органической и всесторонней погруженности субъекта въ переживаемый процессъ, непосредственнаго и полнаго участія въ немъ. Этихъ чувствъ нѣтъ при воспроизведенномъ представленіи, которое если и сопровождается иррадіаціонными и иннерваціонными чувствами извѣстныхъ мышцъ (напримѣръ голосовыхъ мышцъ при мысленномъ говореніи какихъ-либо словъ), то въ значительно слабѣйшей степени, *не* производящей дѣйствительнаго сокращенія мышцъ (дѣйствительнаго произнесенія этихъ словъ) въ *свою вчередь вызывающаго новыя ощущенія и измѣненія въ прежнихъ*. Чувство всесторонняго, органическаго и непосредственнаго участія субъекта въ переживаемомъ состояніи очевидно въ случаѣ воспроизведеннаго представленія слабѣе чѣмъ въ случаѣ чувственнаго воспріятія. А именно это чувство, дающее переживаемому состоянію большую живость и яркость, и есть чувство непроизвольности его, чувство что мы не имѣть его въ данную минуту, хотя бы желали, не можемъ. Признавая такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Фехнеромъ и Горвицемъ, чувство произвольности или непроизвольности, сопровождающее наши представленія, за *главный* признакъ отличающій чувственныя воспріятія отъ воспроизведеній ихъ, представленій (а живость и яркость уже за вторичные), мы на основаніи предшествующаго уже здѣсь можемъ сказать что большая *живость и яркость психическихъ состояній— спутники бо́льшей быстроты въ ихъ смѣнѣ и меньшей произвольности въ ихъ возникновеніи, меньшей затраты на нихъ психической силы, вниманія*. То что̀ въ процессѣ воспроизведенія представленія затрачивается на самый этотъ процессъ какъ необходимая для него сумма напряженій вниманія, въ чувственномъ воспріятіи уходитъ на тѣ мышечныя иррадіаціонныя и другія чувства, которыя придаютъ ему большую живость, непроизвольность и органическій тонусъ.

Живость, яркость и опредѣленный тонусъ чувства съ одной стороны и—отсутствіе или слабость сопровождающихъ чувствъ при произвольности и ясности возникающаго *постепенно* въ сознаніи представленіи съ другой, оказываются естественно связанными съ болѣе быстрымъ или болѣе медленнымъ психическимъ ритмомъ.

Мы далѣе встрѣтимъ подтвержденіе этой связи и съ другихъ точекъ зрѣнія, теперь же укажемъ на то обстоятельство, что такъ какъ *крѣпость и неизмѣнность* ассоціаціи вообще опредѣляется между прочимъ именно ея непроизвольностію (принудительностью для субъекта въ его собственномъ чувствѣ) степенью силы тонуса, придаваемаго ассоціируемымъ членамъ сопровождающими ихъ чувствами, то у существа съ болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ ассоціаціи вообще должны быть крѣпче, неизмѣннѣе, труднѣе должны поддаваться произвольному расторженію ради какихъ-либо цѣлей сознанія и замѣнѣ въ виду этихъ цѣлей однихъ ея членовъ другими, новыми. Ассоціаціи, въ которыхъ цементомъ служило крѣпкое чувство, сложившіяся совершенно непроизвольно сохраняются душою долгое время въ неизмѣнномъ видѣ и часто, несмотря на всѣ сознательныя усилія подавитьихъ или расторгнуть, возникаютъ въ сознаніи въ своемъ полномъ первоначальномъ составѣ какъ скоро дается въ немъ одинъ изъ ея членовъ, влекущій за собою и всѣ остальные. Совершенно иное представляютъ ассоціаціи, сложившіяся путемъ произвольной работы вниманія и въ образованіи которыхъ чувство наименѣе участвовало, каковы ассоціаціи логическія: изо всѣхъ видовъ ассоціаціи онѣ—наиболѣе легко расторжимыя и наиболѣе трудно сохраняемыя памятью въ своемъ чистомъ первоначальномъ видѣ; составные члены ихъ наиболѣе легко могутъ выходить изъ одной комбинаціи и входить въ самыя разнообразныя другія. Произвольною работой вниманія впервые образованныя, эти связи такою же произвольною работой вниманія могутъ быть снова воспроизведены; но понятно какъ трудно ожидать чтобы двѣ работы, совершаемыя вѣчно-развивающеюся душей въ разные моменты времени, когда и ея настроеніе и обстановка ея, и запасъ ея представленій, хранимыхъ памятью, и наличность ея въ представленіяхъ значительно разнятся, могли дать совершено тождественные результаты—чтобы произвольное, сознательное воспроизведеніе сознательно образо-

ванной ассоціаціи въ той же точности и томъ же порядкѣ повторило всѣ акты соединенія разныхъ ея частей между собою, съ какою непроизвольно и безсознательно воспроизводится безсознательно же, непроизвольно сложившаяся ассоціація. Поэтому память въ собственномъ смыслѣ, то-есть способность души сохранять *неизгладимыми* слѣды пережитыхъ однажды впечатлѣній и ихъ связи, должна быть преимущественно развита у существа съ живыми, яркими непроизвольно ассоціирующимися психическими состояніями, то-есть у существа съ болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ, тогда какъ у существа съ болѣе блѣдными, болѣе сознательно и произвольно, а потому и менѣе тѣсно связанными между собою психическими состояніями, собственно память должна быть сравнительно слабѣе, при большей способности сознательнаго воспроизведенія представленій и сознательной, произвольной группировки и перегруппировки ихъ. Повидимому одно можетъ расти и развиваться не иначе какъ въ ущербъ другому. И всякій изъ насъ знаетъ, какъ извѣстныя занятія, требующія постоянной сознательной репродукціи, раздѣленія и связыванія представленій въ наиболѣе разнообразныхъ комбинаціяхъ (философскія или математическія напримѣръ) способны мало-по-малу ослабить и самую богатую механическую память (хранящую представленія въ *субъективномъ* порядкѣ ихъ послѣдовательнаго переживанія субъектомъ), замѣнивъ ее логическою памятью (хранящею представленія въ *предметномъ* порядкѣ ихъ зависимости по содержанію) для нѣкоторыхъ цѣлей болѣе важною, но могущею давать иногда результаты, свойственные обыкновенно лишь памяти механической, напримѣръ, точное воспроизведеніе *стройной* системы или *хорошаго* стихотворенія (непремѣнно стройной и хорошаго, потому что порядокъ хранимыхъ логической памятью представленій есть *предметный* порядокъ ихъ по содержанію, а не случайный, субъективный). Между извѣстными философами, наибольшими виртуозами въ дѣлѣ сознательной группировки, перегруппировки и репродукціи представленій, едвали найдется хотя одинъ, замѣчательный особенно прочною и обширною механическою памятью, между тѣмъ какъ наиболѣе поразительные примѣры послѣдней мы встрѣчаемъ именно тамъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о сознательной и произвольной ассоціаціи и репродукціи, то-есть напримѣръ, у идіотовъ, у горячечныхъ больныхъ (извѣстный

разказъ о больной кухаркѣ, служившей когда-то у пастора знатока греческаго и еврейскаго языковъ и цитировавшей въ бреду цѣлыя страницы еврейскихъ и греческихъ текстовъ, или объ идіотѣ могшемъ повторить отъ слова къ слову цѣлую, разъ прочитанную ему, медицинскую диссертацію на неизвѣстномъ ему латинскомъ языкѣ). Вообще можно считать достовѣрнымъ что чѣмъ у субъекта психическая самодѣятельность *слабѣе*, тѣмъ легче запоминаются имъ пережитыя впечатлѣнія въ той именно случайной послѣдовательности въ какой они были имъ пережиты и обратно: лошадь всегда запомнитъ дорогу лучше своего кучера, кучеръ обыкновенно запомнитъ ее лучше сѣдока.

Сравнивая механическую память съ логическою (разсудочною) не нужно однако забывать и тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ богатое развитіе безсознательной ассоціаціи и непроизвольной репродукціи, то-есть механической памяти. Эти выгоды проявляются преимущественно въ *практической* жизни, ежеминутно требующей готовыхъ сужденій и пріемовъ дѣятельности, находчивости,—не оставляя времени для сознательнаго обдумыванія всякій разъ, что именно требуется условіями быстро преходящаго положенія; ихъ можно приравнить къ выгодамъ машиннаго производства сравнительно съ ручнымъ. Человѣкъ умѣлый только въ дѣлѣ сознательнаго, намѣреннаго связыванія и репродукціи представленій и почти лишенный запаса готовыхъ безсознательныхъ ассоціацій (механической памяти), будучи вынужденъ по всякому новому возникающему въ его жизни поводу совершать всю психическую работу связыванія и раздѣленія представленій вновь, походитъ въ практической жизни на дикаря, собственными руками производящаго всякій разъ все что̀ ему нужно, сравнительно съ человѣкомъ цивилизованнымъ, получающимъ удовлетвореніе всѣхъ почти своихъ существенныхъ потребностей готовымъ изъ чужихъ рукъ, и тѣмъ болѣе имѣющимъ времени и силъ для дѣятельности въ своей спеціальной сферѣ, гдѣ онъ и достигаетъ легче и быстрѣе несравненно большихъ результатовъ. Таковы человѣкъ съ развтою сознательною, но чрезвычайно бѣдною безсознательною жизнью, и человѣкъ съ богатымъ запасомъ безсознательныхъ ассоціацій, доставляющимъ ему мгновенно неисчерпаемое богатство готовыхъ образовъ, сужденій, пріемовъ мысли и дѣйствія. Имѣя въ виду сказанное нами выше

о связи крѣпости ассоціацій и механической памяти и репродукціи, развитія безсознательной жизни вообще,—съ болѣе или менѣе быстрымъ психическихъ ритмомъ, мы естественно должны приписать женщинѣ, у которой этотъ ритмъ быстрѣе, * и большее богатство безсознательной жизни, обусловливающее находчивость, умѣлость въ разрѣшеніи непосредственныхъ задачъ практической жизни, сравнительно съ мущиной. Совершенно неправъ такимъ образомъ Диттесъ, признавая у женщины болѣе слабую и непрочную память, чѣмъ у мущины, и вполнѣ правъ г. Шкляревскій, говоря что „въ организмѣ, какъ и въ памяти женщины жизнь вообще оставляетъ болѣе глубокіе слѣды чѣмъ въ организмѣ мущины; встрѣчныя событія вызываютъ, поэтому, въ ней болѣе живую и болѣе сложную ассоціацію идей, чѣмъ у послѣдняго... можетъ быть, замѣчаетъ г. Шкляревскій съ тонкимъ психологическимъ тактомъ, это причина, почему женщины вообще бываютъ менѣе великодушны и болѣе благодарны чѣмъ мущины“. ** Въ этомъ же и объясненіе той находчивости и умѣнья выйти изъ наименѣе привычныхъ положеній легко и свободно, которыя такъ часто выказываются даже молоденькою, только вступающею въ жизнь женщиной тамъ, гдѣ гораздо болѣе подготовленный и зрѣлый мущина часто становится въ тупикъ и всегда оказывается болѣе медленнымъ, неповоротливымъ, безпомощнымъ. О богатствѣ безсознательной жизни у женщины и его значеніи, о которыхъ такъ много было говорено философами „безсознательнаго“, Шопенгауэромъ и Гартманомъ, совершенно произвольно и фантастически, мы въ другомъ мѣстѣ будемъ имѣть случай говорить полнѣе, теперь же указываемъ лишь на необходимую связь этого богатства съ болѣе быстрымъ ритмомъ ея психической жизни.

Я нѣсколько долѣе останавливаюсь на характеристикѣ разныхъ видовъ ассоціаціи, памяти и слѣд. репродукціи, въ зависимости ихъ отъ живости, эмоціональности и непроизвольности заломинаемыхъ и репродуцируемыхъ состояній, или бо́льшей или меньшей сознательности и произвольности въ ихъ возникновеніи, въ связываніи составныхъ элементовъ ихъ,—вслѣдствіе того что ассоціація, память, репродукція лежатъ въ основѣ всей психической жизни, и ихъ измѣненіями могутъ быть характеризуемы главныя фазы психическаго

* См. мою статью.

** L. c. стр. 21.

развитія и главные типы характеровъ. Невѣрно было бы, конечно, утверждать вслѣдъ за нѣкоторыми современными, преимущественно англійскими психологами, будто такимъ образомъ *размѣры памяти* лежатъ въ основаніи различій умовъ и могутъ служить къ измѣренію ихъ силы. Мы знаемъ, съ одной стороны что самые яркіе примѣры запоминанія невѣроятной массы впечатлѣній въ томъ же случайномъ порядкѣ, въ какомъ они были испытаны, встрѣчаются у идіотовъ, горячечныхъ, дикихъ и вообще людей, не привыкшихъ или мало способныхъ къ самодѣятельности въ мышленіи, тогда какъ намъ извѣстны, съ другой стороны, и знаменитые ученые, механическая память которыхъ была настолько слаба что они были вынуждены прибѣгать къ постоянному записыванію всего что̀ узнавали или передумывали. Значеніе памяти для „ума“ опредѣляется вовсе не ея объемомъ или прочностью. Память дѣйствительно необходима для всякой работы мысли, такъ какъ ею доставляются въ громадномъ большинствѣ, сравнительно съ наличными воспріятіями настоящей минуты, элементы и матеріалы для этой работы. Но она должна доставлять именно только элементы и матеріалы, *не болѣе*. Давая матеріалъ для работы мысли, она не должна замѣнять, упразднять самую эту работу, не должна давать разъ навсегда готовыхъ, не поддающихся измѣненію, группировокъ ея матеріаловъ и элементовъ, не должна давать готовыхъ мыслей. Связи между сохраняемыми въ памяти слѣдами пережитаго не должны быть настолько неподвижны, разъ навсегда неизмѣнно опредѣлены, чтобы ни въ какомъ случаѣ не поддаваться послѣдующимъ цѣлесообразнымъ усиліямъ мысли, нуждающейся, для иныхъ цѣлей, въ иныхъ точкахъ зрѣнія и иныхъ комбинаціяхъ и порядкахъ представленій, чѣмъ уже предобразованныя въ готовыхъ ассоціаціяхъ. Безъ нѣкоторой легкоподвижности содержащагося въ памяти матеріала невозможна сознательная и произвольная репродукція его по частямъ,—тѣмъ какія для данной задачи мысли необходимы, невозможна цѣлесообразная перегруппировка его, то-есть вся самодѣятельная, логическая сторона психической жизни, всѣ высшія формы ея. А *легкоподвижность эта*, какъ мы видѣли, *стоитъ въ обратномъ отношеніи* къ живости, яркости, сильному тонусу чувства и непроизвольности въ связываніи переживаемыхъ душою впечатлѣній и слѣдовательно *въ обратномъ отношеніи къ быстротѣ смѣны психическихъ состояній.*

Съ другой стороны ассоціаціи переживаемыхъ впечатлѣній должны быть и не безусловно подвижны, слѣдовательно не безусловно сознательны и произвольны,—онѣ не должны при первомъ такъ-сказать прикосновеніи къ нимъ, распадаться на отдѣльные, часто безчисленные составные элементы свои, которые приходилось бы снова перебирать по одиночкѣ и снова связывать въ разрушенное цѣлое; иначе человѣку приходилось бы совершать всякій разъ всю психическую работу, нужную для совершенія болѣе сложнаго психическаго дѣйствія, ab ovo вновь, сколько бы разъ это дѣйствіе имъ ни повторялось: человѣкъ никогда не научился бы ни ходить, ни видѣть, ни говорить и т. п. Пока ребенокъ пытается раздѣльными усиліями производить всякое изъ необходимыхъ для видѣнія предмета, весьма многочисленныхъ движеній глазнаго яблока и зрачка въ томъ порядкѣ какой именно для видѣнія необходимъ, и пока всѣ эти усилія сопровождаются *раздѣльными*, *сознательными* мускульными ощущеніями и болѣе или менѣе *расчитаны*, произвольны, до тѣхъ поръ онъ еще не видитъ, а только *учится* смотрѣть. У него еще нѣтъ готовыхъ связей между всѣми этими отдѣльными актами, необходимыхъ для того чтобы достаточно быстро объединить ихъ въ одинъ, и сознаваемый какъ одинъ, результатъ, въ одно зрительное представленіе. Не имѣя еще готовыхъ ассоціацій, онъ всю свою психическую энергію тратитъ еще на *связываніе* одного мускульнаго ощущенія съ другимъ, мускульныхъ ощущеній съ отдѣльными зрительными впечатлѣніями, тѣхъ и другихъ съ прежними подобными зрительными, мышечными и осязательными впечатлѣніями, дававшими ему знать о разстояніи и формѣ предметовъ и т. п. Когда онъ уже научился смотрѣть, это сознательное и произвольное, стоющее ему раздѣльныхъ сознательныхъ усилій *связываніе* становится ненужнымъ, такъ какъ образовалась уже масса готовыхъ *автоматическихъ связей* между отдѣльными моментами зрительнаго акта,—актъ зрѣнія *организовался*, и зрительное представленіе у взрослаго, почти не сопровождаемое чувствами раздѣльныхъ *усилій* и сознательной работы, почти *моментальное*, заключаетъ въ своемъ единствѣ итогъ неисчислимой массы когда-то бывшихъ сознательными въ своей раздѣльности мускульныхъ ощущеній, сужденій по ихъ отношеніямъ, бывшихъ опытовъ и т. п. Что же совершилось вмѣстѣ съ этою *организаціей* акта зрѣнія? Множество отдѣльныхъ

психическихъ работъ слилось въ *одинъ* результатъ, раздѣльность всѣхъ моментовъ котораго сознанію уже не видна,—результатъ этотъ получается въ концѣ гораздо *меньшей* по напряженію и гораздо болѣе *быстрой* психической работы, чѣмъ та, которая совершалась при раздѣльности, безсвязности всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ ея. Отсюда ясно громадное значеніе для всей психической жизни этой *организаціи* психическихъ работъ, этого перехода отъ медленнаго, сознательнаго и произвольнаго связыванія вполнѣ раздѣльныхъ впечатлѣній (и актовъ вниманія къ нимъ) къ автоматическимъ связямъ, моментально дающимъ сознанію готовую, слитную группу множества впечатлѣній,—повторяющагося и въ процессѣ наученія человѣка говорить, ходить, считать и т. п. На этомъ процессѣ организаціи психическихъ работъ основывается возможность психическаго (а мы думаемъ и всякаго) развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ одной области (напримѣръ чувственныхъ впечатлѣній) работы, поглощавшія всю энергію психической дѣятельности, все вниманіе и всю сознательность, обратились въ автоматическія, легкія и быстрыя, получается остатокъ свободной психической силы вниманія, сознательнаго различенія и связыванія, здѣсь уже болѣе не занятой, чѣмъ для нея открывается возможность и даже естественная необходимость работы въ другой, высшей сферѣ (напримѣръ, представленій) для которой итоги предшедшей области (чувственныхъ воспріятій) служатъ уже только элементами, исходными пунктами. То что было очень сложно и требовало сложной работы, становится мало-по-малу слитнымъ, доступнымъ одному простому акту, и этотъ слитный итогъ становится однимъ изъ раздѣльныхъ моментовъ въ новой сложной группѣ, требующей не *большей психической работы и не отличной въ существѣ* отъ той, какая требовалась и группою низшаго порядка, пока та была *раздѣльною* группой, а не единицей. Значеніе этого закона организаціи психическихъ работъ, *какъ начала психическаго развитія*, несомнѣнно, и здѣсь возможно расходиться лишь относительно *предѣловъ* той области, къ объясненію которой этотъ законъ приложимъ, то-есть распространяя его на одни пріобрѣтаемые *человѣкомъ* въ своей жизни навыки, или на всѣ навыки ощущенія, мысли и движенія, пріобрѣтенные *человѣчествомъ* за всѣ тысячи лѣтъ его существованія, или на всю область обнимаемую теперь подъ названіемъ „безсознательной пси-

хической“ жизни, или—за отсутствіемъ признанныхъ опредѣленныхъ границъ между нею и органической—*имя всю сферу органической* жизни. Вопросъ здѣсь лишь въ томъ, есть ли этотъ „законъ“ „простое эмпирическое сообщеніе“, неприложимое за предѣлами той сферы гдѣ его дѣйствіе прямо наблюдалось, или же онъ—дѣйствительный *законъ*, то-есть его *основанія понятны*; и если бы эти основанія оказались имѣющими всеобщее значеніе, то и приложеніе закона должно бы быть *всеобщее*. Но именно въ пониманіи основаній здѣсь и всего болѣе расходятся. Мы не будемъ касаться здѣсь *метафизическихъ* возраженій противъ объясненія организаціи изъ работы какъ вывода бытія изъ дѣятельности (непонятно однако чѣмъ основательнѣе и яснѣе обратный выводъ дѣятельности изъ бытія!); но укажемъ на нѣкоторыя *психологическія* недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ основаніе этого закона находятъ не психологическое, но физіологическое, видятъ его въ нервныхъ измѣненіяхъ. Такъ А. Бэнъ объясняетъ процессомъ приспособленія нервовъ * къ часто повторяющимся однороднымъ раздраженіямъ, по мѣрѣ котораго волна раздраженія все болѣе и болѣе локализируется въ одномъ пути, не распространяясь на сосѣднія части явленія „закона новизны“. По этому закону, пользуясь выраженіями Бэна, „ни одно раздраженіе при повтореніи не дѣйствуетъ на нервъ совершенно одинаково, несмотря на то что нервы вполнѣ имѣли время отдохнуть отъ истощенія предшествующимъ раздраженіемъ. При всякомъ впечатлѣніи, повторяемомъ снова, имѣетъ мѣсто уменьшеніе въ его *силѣ* **. Уменьшеніе здѣсь происходитъ дѣйствительно,—но въ чемъ? Вовсе не въ силѣ *впечатлѣнія*: знакомые предметы и лица часто производятъ на насъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ вовсе незнакомые. Уменьшеніе происходитъ *въ суммѣ тратимой на полученіе этого впечатлѣнія психической энергіи*: впечатлѣніе получается легче и быстрѣе. Это—*чисто психическій* законъ слѣдующій прямо изъ существа психической дѣятельности вниманія, какъ *различающей и соединяющей*. Чѣмъ болѣе что-либо уже различено и связано для сознанія, тѣмъ менѣе требуетъ оно *новыхъ актовъ* сознательнаго раз-

* На немъ очень сильно и гораздо остроумнѣе настаиваетъ и Дельбефъ.

** „Geist und Körper“ p. 61.

личенія и связыванія, тѣмъ скорѣе является оно знакомымъ сознанію по *общему характеру* своему, безъ раздѣльнаго сознанія всѣхъ его отдѣльныхъ моментовъ и связей между ними (примѣръ—очень знакомое лицо; *отдѣльныя* черты котораго, какъ извѣстно, труднѣе вспомнить, чѣмъ мало знакомаго). Вмѣстѣ съ тѣмъ, различающая психическая дѣятельность, уже не тратимая вполнѣ на различеніе *этого* ощущенія, *этого* мышечнаго напряженія и т. п., своею свободною частью можетъ въ это время совершать новую работу различенія или соединенія,*—въ ту же единицу времени, которая требовалось на различеніе неизвѣстнаго впечатлѣнія, можетъ довести до сознанія цѣлую группу знакомыхъ, часто повторявшихся впечатлѣній, какъ вполнѣ знакомыхъ, хотя и не такъ подробно и отчетливо раздѣльныхъ, какъ они сознавались при первомъ ихъ полученіи. Нервы сами по себѣ здѣсь въ объясненіи ни при чемъ. И если А. Бэнъ ищетъ объясненія явленій организаціи психическихъ работъ (привычки; вторично—автоматичныя дѣятельности, инстинкты) въ „приспособленіи“ нерва къ часто повторяющемуся раздраженію и „локализаціи волны раздраженія“—то вопервыхъ ищетъ объясненія въ томъ что само должно быть объяснено, вовторыхъ повидимому забываетъ что нервъ, самъ по себѣ, не имѣетъ ни приспособленій, ни привычекъ, все-же это имѣетъ лишь *въ цѣлой системѣ*, въ живомъ организмѣ, то-есть организмѣ, одаренномъ *не одною* физическою, но психическою дѣятельностью, и въ третьихъ упускаетъ изъ виду что все что мы знаемъ здѣсь независимо отъ метафизическихъ предположеній,—это *параллелизмъ* организаціи психическихъ работъ съ одной стороны и организаціи нервныхъ функцій, ихъ локализаціи въ строго опредѣленныхъ путяхъ, съ другой,—но ни о какомъ вмѣшательствѣ происходящаго въ одной области въ дѣла другой ничего не знаемъ. Локализація эта несомнѣнно образуется *параллельно* съ организаціею психическихъ работъ, то-есть то что перестаетъ быть предметомъ сознательно различающей и связывающей дѣятельности вниманія, получаетъ представительство своихъ несознаваемыхъ болѣе различій и соединеній въ раздѣльности нервныхъ элементовъ и соединеній между ними. Вотъ что мы знаемъ! Но это значитъ не происхож-

* Такимъ образомъ видно что въ психологіи законъ сохраненія силы очень хорошо совмѣстимъ съ развитіемъ, въ чемъ такъ сомнѣваются Фихте jun.

деніе психической организаціи изъ физической, а наоборотъ: физическая опредѣленность нервно-мозговыхъ функцій, соотвѣтствующая психически-организованному, безсознательному, *слѣдуетъ* за неорганизовавшимися еще, сознательно-раздѣльными психическими работами. Такимъ путемъ, а не обратнымъ объясняются и тѣ факты что „вмѣстѣ съ ослабляющимъ чувство вліяніемъ привычки, распространеніе волны раздраженія подавляется и суживается. Такъ при нашихъ первыхъ попыткахъ писать, считать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, и вообще во всѣхъ механическихъ искусствахъ, внутреннему чувству трудности и тягости дѣла соотвѣтствуетъ количество неловкихъ и безполезныхъ жестикуляцій. Съ другой стороны на высшей степени упражненности и искусства сознаніе почти вовсе не имѣетъ мѣста, и общій покой тѣла доказываетъ что дѣятельность силъ теперь уже сосредоточена въ одномъ каналѣ, необходимомъ для правильнаго совершенія движенія". * Не сознаніе изъ безсознательнаго такимъ образомъ (по крайней мѣрѣ въ психической области), но наоборотъ безсознательное, автоматичное изъ сознательнаго и произвольнаго,—таковъ законъ психическаго развитія. Подтвержденіе *такого* происхожденія безсознательно-психической области мы видимъ и въ изумительной цѣле-сообразности, и въ безошибочности проявленій этого „безсознательнаго психическаго", то-есть именно во всемъ томъ что Гартманова философія приводитъ въ доказательство первичности безсознательнаго предъ сознаніемъ. Съ другой стороны, также мало удивительно, съ нашей точки зрѣнія, и то обстоятельство, что образованія безсознательной психической жизни содержатъ въ себѣ моменты *логическаго* процесса: сужденія, умозаключенія,—обстоятельство, на которомъ такъ сильно настаивалъ Вундтъ, не имѣя возможности объяснить его съ своей точки зрѣнія *первичности* безсознательнаго предъ сознаніемъ. И, какъ ни парадоксально звучитъ это, не имѣя въ виду ни одного вполнѣ яснаго и точнаго случая, гдѣ бы мы видѣли, какъ сознательное и произвольное (не предполагаемыя уже раньше) возникло изъ безсознательнаго и непроизвольнаго, и имѣя несчетное число случаевъ обратнаго порядка (всю исторію психическаго развитія), мы вынуждаемся допустить, какъ наиболѣе вѣроятную, согласную и съ фактами и съ теоріей, ту мысль что *до* образованія тѣхъ высшихъ

* Geist und Koerper p. 67.

сферъ психической жизни, которыя однѣ мы въ настоящее время застаемъ сознательными, психическая работа, вниманіе, сознательность (конечно въ совершенно иныхъ формахъ чѣмъ извѣстныя на нашей ступени развитія!) сосредоточивалась въ сферахъ, для насъ теперь уже почти вполнѣ безсознательныхъ, потому что уже вполнѣ организованныхъ, то-есть въ сферахъ такъ-называемой животной и даже растительной жизни. Физіологически противъ этой мысли ничего возразить нельзя; здѣсь хотя и несомнѣнно что отправленіе органа опредѣляется его строеніемъ, но также несомнѣнно и то что самый органъ не данъ изначала готовымъ, но образуется и образуется путемъ повторенія однородной дѣятельности которая, какъ органическая, неотдѣлима отъ *раздражительности*, отъ ощущенія и движенія. Психологически эта мысль, установляя нераздѣльность жизни и сознанія, подтверждая старое мнѣніе что сознаніе есть у зародыша уже съ момента зачатія (Бурдахъ), доказывая что сознательному и произвольному принадлежитъ prius предъ безсознательнымъ и организованнымъ, имѣетъ за себя и всѣ факты исторіи развитія и всѣ вѣроятія. Къ этой мысли приводитъ съ необходимостью примѣненіе къ исторіи развитія души, *въ ея цѣломъ*, фактически-несомнѣннаго и достаточно точно прослѣженнаго въ разныхъ частностяхъ, закона организаціи психической дѣятельности, такъ-называемаго (Фортляге) закона работы. Важности этого закона для пониманія всей области психическаго игнорировать невозможно, но вмѣстѣ съ нимъ невозможно игнорировать и важности, для всей области психическаго, бо́льшей или меньшей быстроты смѣны психическихъ состояній и актовъ, *бо́льшаго или меньшаго времени, уходящаго на каждый изъ нихъ и прямо пропорціональнаго бо́льшей или меньшей сознательности и произвольности его возникновенія.* Одно можетъ считаться показателемъ другаго, функціею въ самомъ прямомъ и точномъ математическомъ смыслѣ. И этою функціей нельзя пренебрегать въ вопросѣ о столь характеристичномъ для всего психическаго строя существа обстоятельствѣ, какъ преобладаніе въ немъ сознательной и произвольной, или безсознательной и организованной психической жизни. *Психическій ритмъ у женщины, какъ мы видѣли,* необходимо быстрѣе чѣмъ у мущины, а потому и безсознательная организованная сторона психической жизни необходимо болѣе развита.*

* См. мою статью въ *Р. В.* 1881 г., XII.

Но дѣло не останавливается на однихъ указанныхъ общностяхъ. Вліяніе большаго или меньшаго времени, причитающагося на долю всякаго изъ совершаемыхъ душою актовъ и переживаемыхъ ею состояній, сказывается и въ болѣе спеціальныхъ оттѣнкахъ этихъ состояній и соотвѣтствующихъ психическихъ дѣятельностей. Это вліяніе выяснится намъ во всемъ своемъ значеніи и во всей очевидности, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на составные моменты того процесса, посредствомъ котораго переживаемыя душою состоянія становятся достояніемъ сознанія, психическими состояніями. Процессъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: *различенія* одного изъ переживаемыхъ состояній отъ другаго, предшествующаго, и *синтеза*, группировки такимъ образомъ полученныхъ *признаковъ* различія въ болѣе или менѣе сложныя группы, единства. Это двойство сохраняется во всѣхъ, и въ низшихъ, и въ высшихъ формахъ мышленія; будетъ ли то единство, которое получается въ результатѣ акта, воспріятіе—составляющее группу ощущеній, или представленіе—составляющее группу воспріятій, или понятіе,—законъ группы представленій, или система—законъ группировки понятій,—измѣняются лишь состоянія, играющія роль элементовъ и состоянія, играющія въ данномъ случаѣ роль результата дѣятельности, но во всѣхъ случаяхъ *то что служитъ элементомъ, есть нѣчто слитное, простое (будь то ощущеніе или понятіе) и то что является результатомъ—болѣе или менѣе сложная группировка тѣхъ или другихъ элементовъ.* Обѣ стороны процесса, и различеніе элементовъ, и синтезъ ихъ въ сложное цѣлое, одинаково необходимы. Безъ *опредѣленныхъ* элементовъ для группировки ихъ въ воспріятіе, представленіе, понятіе или систему, не можетъ быть получено никакое опредѣленное цѣлое; а опредѣленные элементы (будь это въ данномъ случаѣ ощущенія, или воспріятія, или представленія или понятія) получаются только чрезъ *различеніе* однородныхъ, то-есть ощущеній отъ ощущеній, представленій отъ представленій и т. д. Не менѣе необходимъ и синтезъ полученныхъ чрезъ различеніе моментовъ въ болѣе или менѣе сложныя группы. Необходимъ онъ потому что всякій элементъ, если онъ *только различенъ* отъ другаго элемента—всякій признакъ только отличенный отъ другаго признака,—опредѣленъ только въ *одномъ* отношеніи и только—отрицательно, какъ *не* тотъ элементъ, *не тотъ* признакъ, а это равносильно полной неопредѣленности, и въ ре-

зультатѣ послѣдовательныхъ актовъ *предоставленнаго себѣ* различенія получился бы только рядъ отрицаній всякимъ послѣдующимъ моментомъ—предшествующаго, который самъ есть лишь *только отрицаніе* предшествующаго и такъ до безконечности. Поэтому опредѣленность свою (а безъ опредѣленности нѣтъ и сознанія) всѣ элементы воспріятій, представленій, понятій и т. д., всѣ признаки различій получаютъ *лишь въ болѣе или менѣе сложной группировкѣ*; „простыя“ понятія, представленія или ощущенія (то-есть опредѣленныя однимъ только признакомъ) сами по себѣ невозможны; и поэтому дѣятельности различенія и синтеза необходимо идутъ и развиваются совмѣстно, одна безъ другой невозможны, и только обѣ вмѣстѣ доставляютъ сознанію какое-нибудь опредѣленное содержаніе. Въ сознаніи *нѣтъ ни одного простаго* элемента, но есть лишь группы элементовъ, получающихъ свою опредѣленность только въ группѣ, въ опредѣленной связи съ другими, но не внѣ ея. Для насъ, выводящихъ не сознательное изъ безсознательнаго, но на основаніи закона работы, организаціи—наоборотъ, очевидно что два процесса, составляющіе conditio sine qua non какого-либо опредѣленнаго содержанія сознанія, вообще имѣютъ существеннѣйшее психологическое значеніе. Но каждый изъ этихъ двухъ процессовъ требуетъ, caeteris paribus, далеко не одинаковаго времени, далеко не одинаковаго напряженія вниманія, не одинаковой сознательности работы и произвольности. Поэтому большая быстрота въ ритмѣ психической жизни вообще, усиливая и облегчая одинъ изъ этихъ процессовъ, будетъ затруднять и подавлять другой, и наоборотъ. Такимъ образомъ у двухъ существъ съ различною скоростью психическаго ритма непремѣнно окажется различіе въ преобладаніи процесса различенія, въ точности и живости схватываемыхъ различій, контрастовъ, или процесса синтеза, обширныхъ группировокъ впечатлѣній, представленій и понятій. А это даетъ различіе психическихъ образованій ихъ и по объему (единичное и общее) и по содержанію (конкретное, всесторонне опредѣленное и сравнительно неопредѣленное). Посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ?

Не нужно быть большимъ психологомъ для того, чтобы знать что различеніе двухъ смежныхъ впечатлѣній требуетъ далеко не столько времени, столько сознательнаго усилія и произвольной, цѣлесообразной работы вниманія, какъ синтезъ ихъ, группировка. Всякій, напримѣръ, хорошо знаетъ что

чѣмъ быстрѣе чередуются его впечатлѣнія и мысли, тѣмъ они ярче, живѣе, но и тѣмъ въ нихъ менѣе расчитаннаго порядка, тѣмъ расположеніе ихъ въ меньшей степени—дѣло сознательныхъ усилій. Оно и понятно почему это такъ, и не можетъ быть иначе. Вопервыхъ работа синтеза уже предполагаетъ какой-либо готовый матеріалъ, который можно было бы связывать въ группы; она вторичная и должна совершаться на основаніи работы различенія, которая уже по этому одному должна быть болѣе быстрою, организованною. Различеніе доставляетъ данныя, а синтезъ изъ этихъ данныхъ создаетъ группы, болѣе или менѣе обширныя и сложныя: степень психической самодѣятельности въ томъ и въ другомъ, очевидно, далеко не одинакова. Естественно поэтому что caeteris paribus (на это просимъ обратить вниманіе: рѣчь идетъ о нормальномъ ходѣ дѣла, а не о тѣхъ особыхъ случаяхъ, гдѣ напримѣръ изслѣдователь спеціально задается цѣлью различенія особенно малыхъ или близкихъ между собою величинъ) различеніе двухъ смежныхъ впечатлѣній совершается быстрѣе, съ меньшимъ напряженіемъ и меньшею самодѣятельностью, чѣмъ ихъ синтезъ,—введеніе ихъ въ ту или иную группу. Но оно не только совершается быстрѣе, оно совершается и *точнѣе и болѣе ярко и живо* тамъ гдѣ происходитъ быстро. Послѣднее очевидно уже изъ того что всякое впечатлѣніе тѣмъ ярче, чѣмъ оно неожиданнѣе, менѣе подготовлено, чѣмъ менѣе *постепенно* оно возникаетъ въ душѣ; при болѣе же быстрой смѣнѣ впечатлѣній всякое изъ нихъ гораздо менѣе подготовлено, чѣмъ при медленной, постепенной замѣнѣ одного другимъ. Притомъ всякое изъ нихъ смѣняется новымъ, когда оно еще присутствуетъ въ сознаніи во всей своей первоначальной свѣжести, не успѣло еще потускнѣть и утомить вниманіе (и соотвѣтствующій нервный аппаратъ), какъ тускнѣетъ и прогрессивно утомляетъ вниманіе всякое впечатлѣніе, слишкомъ долга длящееся, или однообразное, черезчуръ постепенно измѣняющееся. Поэтому и контрасты представляются тѣмъ разительнѣе, различія тѣмъ рѣзче и рельефнѣе, чѣмъ меньше промежутокъ времени между смѣняющимися различными впечатлѣніями. Въ дѣлѣ сознательной группировки, связыванія полученныхъ моментовъ различія въ сложное цѣлое, чувству неожиданности, неподготовленности вовсе нѣтъ мѣста; связываніе это совершается или вовсе безсознательно и непроизвольно, авто-

матически, и самый процессъ его остается тогда *внѣ* сознанія, или же оно совершается сознательно и произвольно, и тогда планъ группы, цѣлое въ которое слагаются отдѣльные моменты, извѣстны въ общемъ уже заранѣе, и по окончаніи процесса сознаніе собственно новаго ничего не узнаетъ. Энергія этого синтезирующаго акта такимъ образомъ *прямо* пропорціональна постепенности переходовъ отъ одного момента къ другому, *измѣряется количествомъ выполненныхъ сознаніемъ соединеній*, тогда какъ энергія перваго процеса, различающаго, стоитъ къ постепенности въ смѣнѣ раздѣльныхъ для сознанія состояній въ *обратномъ отношеніи*. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ что большая или меньшая *постепенность* перехода отъ одного состоянія (и одной дѣятельности) къ другому, соотвѣтствующая быстротѣ ихъ смѣны, имѣетъ въ душевной экономіи весьма важное значеніе не только какъ способствующая болѣе дѣятельности различенія или связыванія воспріятій, представленій etc., но и тѣми *чувствами*, которыя она вызываетъ въ душѣ; и чрезмѣрныя отступленія отъ средней величины ея въ ту или другую сторону всегда указываетъ на истощеніе душевной дѣятельности (какъ предъ засыпаніемъ), чрезвычайное утомленіе или даже болѣзненное разстройство. Предоставля себѣ далѣе указать вліяніе быстроты психическаго ритма въ области чувствъ, возвращаюсь къ настоящему предмету нашему—вліянію ея на дѣятельность различенія. Не трудно понять, почему быстрота различенія двухъ смежныхъ впечатлѣній есть условіе *точности* въ оцѣнкѣ ихъ различій (въ особенности ихъ различій въ *степени*) *. Сравниваетъ и различаетъ душа какія-либо два свои впечатлѣнія или напряженія не непосредственно въ тѣ моменты, когда ихъ переживаетъ, потому что сознаетъ она во всякій моментъ только одно, но сравниваетъ (и resp. различаетъ) одно,переживаемое ею въ настоящій моментъ съ пережитымъ въ прошедшій и теперь только воспоминаемымъ.

При этомъ ясно съ одной стороны что чѣмъ настоящее состояніе длится долѣе, чѣмъ дальше поэтому отодвигается въ прошедшее сравниваемое съ нимъ пережитое, воспоминаемое состояніе, тѣмъ образъ послѣдняго становится блѣдняе, неопредѣленнѣе (въ особенности въ отношеніи *силы*, которую оно имѣло въ моментъ переживанія), а слѣдовательно тѣмъ болѣе затрудняется точная оцѣнка его разли-

* Ср. *Langer* Grundl. der Psychophysik 20.

ченія отъ настоящаго; съ другой же стороны, чѣмъ болѣе длится въ сознаніи безъ измѣненія одно настоящее состояніе, тѣмъ оно само становится блѣднѣе, его очертанія—туманнѣе (такъ что при чрезмѣрной продолжительности оно вовсе исчезло бы изъ сознанія; наступила бы безсознательность), и слѣдовательно тѣмъ труднѣе опять становится оцѣнка различія его отъ воспоминаемаго пережитаго. Такимъ образомъ и яркость и точность различенія обусловливаются извѣстною быстротою его, извѣстнымъ разнообразіемъ и скоростью смѣны впечатлѣній, до извѣстнаго предѣла только отодвигающими на второй планъ дѣло сознательной группировки, но за этимъ предѣломъ дѣлающими его уже совершенно невозможнымъ, производящими слѣдовательно болѣзненное разстройство душевной дѣятельности. Что для различенія требуется и гораздо менѣе сознательной, цѣлесообразной работы вниманія, чѣмъ для синтеза, ясно уже изъ того, что душѣ, для того чтобы *вообще сознать нѣчто*, опредѣлить для себя какое-либо переживаемое состояніе свое, достаточно ограничиться, по нуждѣ, и различеніемъ отъ одного непосредственно предшествовавшаго, тогда какъ для всякаго синтеза, для всякаго введенія одного впечатлѣнія въ какую-либо группу другихъ, требуется, смотря по сложности группы, бо́льшее или меньшее количество репродукцій, воспроизведеніе другихъ состояній, не бывшихъ сейчасъ только наличными. Не малое значеніе съ этой точки зрѣнія имѣетъ и то обстоятельство что въ спеціальныхъ органахъ чувствъ—въ нервахъ, съ ихъ специфическими (въ вышеразъясненномъ смыслѣ) энергіями, въ группахъ мышцъ съ ихъ сложными мускульными ощущеніями, душа имѣетъ *готовые*, разъ навсегда неизмѣнные (или по крайней мѣрѣ очень медленно и постепенно измѣняющіеся) аппараты сознаваемаго различія, тогда какъ готовые въ тѣлѣ аппараты *связей* между движеніями и ощущеніями суть только аппараты автоматическихъ (несознаваемыхъ и непроизвольныхъ) связей, для всякаго же осуществленія *сознательной связи* между несвязанными автоматически движеніями или ощущеніями, требуются особыя сознательныя усилія, попытки, напряженія, что все конечно беретъ много времени. Въ первомъ—душѣ помогаетъ готовый аппаратъ ея тѣла, во второмъ—она ограничена наличнымъ запасомъ своей свободной энергіи уходящей на настоящую работу и воспроизведеніе прежнихъ ея опытовъ.

Изо всего сказаннаго ясно, насколько различны условія, въ которыхъ совершаются дѣятельности различенія и синтеза; тогда какъ въ первомъ быстрота процесса обусловливаетъ точность, живость, яркость и непроизвольный характеръ его результата, во второмъ—результатъ, чѣмъ онъ сознательнѣе тѣмъ и произвольнѣе, тѣмъ болѣе на мѣсто *яркости и цѣльности* (нерасторжимости его моментовъ) неожиданно выступающаго новаго представленія, выдвигается *ясность* сравнительно блѣднаго представленія, *постепенно*, по частямъ складывающагося въ сознаніи съ расположеніемъ частей въ расчитанномъ, сознательномъ и слѣдовательно сравнительно легко *измѣнимомъ* порядкѣ, тѣмъ болѣе его совершеніе требуетъ сознательной работы вниманія и слѣдовательно времени. Быстрый темпъ психической жизни очевидно благопріятствуетъ дѣятельности различенія и затрудняетъ дѣятельность сознательнаго синтеза (дающаго болѣе сложные, раздѣльные и легко расторжимые результаты), проявляясь въ развитіи такъ-называемой *впечатлительности;* болѣе медленный темпъ психической жизни, наоборотъ, затрудняетъ точное и живое различеніе, образованіе очень цѣльныхъ, нерасторжимыхъ, хотя и несложныхъ сравнительно группъ, и благопріятствуетъ развитію сознательной синтезирующей дѣятельности, сопровождаясь при болѣе слабой *впечатлительности* болѣе энергическою дѣятельностью *вниманія*. Отношеніе впечатлительности и вниманія оказывается *обратное;* чѣмъ менѣе дается психической жизни однимъ, тѣмъ болѣе остается дѣлать другому. Результаты дѣятельности того и другаго конечно не тождественны; признакомъ же такого или иного отношенія между ними въ психической жизни даннаго существа служитъ болѣе или менѣе быстрый темпъ этой жизни.

Резюмируя сказанное, не трудно получить тѣ главныя различія въ мірѣ представленій и понятій по ихъ содержанію и объему, которыя опредѣляются болѣе или менѣе быстрымъ темпомъ психической жизни двухъ существъ. Время, уходящее на образованіе опредѣленнаго воспріятія, представленія и т. п. (всегда болѣе или менѣе раздѣльной *группы* признаковъ) соотвѣтствуетъ caeteris paribus *количеству выполненныхъ психическою дѣятельностью въ образованіи этого результата соединеній*, то-есть бо́льшей членораздѣльности или слитности, цѣльности результата, бо́льшему или меньшему

числу различныхъ моментовъ его. Такимъ образомъ оказывается что бо̀льшая быстрота ритма психической дѣятельности вообще связана вопервыхъ съ *меньшимъ числомъ* опредѣляющихъ въ данномъ случаѣ различимыхъ въ цѣломъ состояніи моментовъ, признаковъ; вовторыхъ съ бо̀льшею *значимостью* всякаго изъ различныхъ признаковъ для цѣлой опредѣляемой ими группы, слѣдующей уже изъ того что всякій изъ этихъ признаковъ есть одинъ изъ сравнительно немногихъ и потому уже менѣе легко можетъ быть безъ ущерба для цѣлаго удаленъ изъ цѣлой группы и замѣненъ какимъ-либо другимъ, и втретьихъ съ болѣе тѣсною, *нерасторжимою* и не такъ легко измѣняемою связью моментовъ цѣлаго представленія и понятія, слѣдовательно съ бо̀льшею такъ-сказать *индивидуальностью*, *цѣльностью* этихъ представленій и понятій, съ бо̀льшею *изолированностью* всякаго изъ нихъ въ ряду другихъ. Въ результатѣ болѣе быстрой смѣны дѣятельностей такимъ образомъ получаются группы признаковъ, болѣе рѣзко очерченныя и яркія, болѣе цѣльныя и слитныя, болѣе индивидуальныя, болѣе ограниченныя въ числѣ своихъ отношеній къ другимъ такимъ же группамъ въ точкахъ соприкосновенія съ ними, чѣмъ возможно для болѣе сложныхъ группъ соотвѣтствующихъ бо̀льшей сознательной работѣ вниманія и болѣе медленному психическому ритму. Эти условія естественно облегчающія образованіе индивидуальныхъ живыхъ, точныхъ и цѣльныхъ представленій въ той же мѣрѣ затрудняютъ всѣ операціи мысли, требующія *отвлеченія* отъ этой индивидуальной связи признаковъ въ такое-то, а не въ иное цѣлое, имѣющія дѣло не съ индивидуальными конкретными вещами, но съ общими *отношеніями* между вещами и выполнимыя только по мѣрѣ *расторжимости* признаковъ соединенныхъ въ одно цѣлое и возможности вводить ихъ въ другія комбинаціи и установлять такимъ путемъ общее между массою разнообразнѣйшихъ въ своей конкретной опредѣленности индивидуальныхъ представленій. Всѣ эти операціи естественно требуютъ болѣе медленнаго ритма психической жизни, больше работы сознательнаго разложенія и соединенія, больше постепенности въ переходѣ отъ одного момента работы къ другому. Этимъ опредѣляется въ коренныхъ чертахъ и направленіе психической работы у существа имѣющаго болѣе быстрый или медленный психическій ритмъ въ ту или другую сторону, на тѣ или иныя задачи, и характеръ резуль-

татовъ этой психической работы, строя представленій и понятій его. Но быстротою психическаго ритма естественно обусловливается не только бо̀льшая *способность*, а и бо̀льшая *склонность* къ образованію индивидуальныхъ или общихъ понятій, къ живости и точности или къ общности и ясности мысли, къ спеціализаціи ея, сосредоточенію на развитіи одного рода понятій въ одномъ направленіи исключительно, или къ разнообразному занятію ея, къ возможной разносторонности и полнотѣ мысли, къ отрѣшенію отъ безконечнаго разнообразія впечатлѣній, исходящихъ отъ непосредственно окружающей дѣйствительности, ради всецѣлаго сосредоточенія на внутренней работѣ, или къ усвоенію ихъ во всей ихъ полнотѣ, къ возможно всестороннему соотвѣтствію психическаго міра и этой дѣйствительности. Различіе въ быстротѣ душевнаго ритма отражается такимъ образомъ не только въ развитіи сравнительныхъ способностей къ выработкѣ такихъ или иныхъ представленій и понятій, но и въ сравнительной склонности къ ставленію своей дѣятельности такихъ или иныхъ задачъ и къ осуществленію ихъ посредствомъ такихъ или иныхъ пріемовъ, слѣдовательно и—въ такой или иной оцѣнкѣ предлежащихъ предметовъ, понятій, цѣлей и дѣятельностей, какъ существенныхъ или несущественныхъ, пріятныхъ или непріятныхъ, одобряемыхъ или отвергаемыхъ. Такимъ образомъ оно отражается во *всѣхъ* сферахъ психическаго бытія, опредѣляя собою не только весь умственный но и нравственный строй, весь характеръ психическаго субъекта. Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ связанныя съ преобладаніемъ впечатлительности или вниманія, различенія или синтеза, яркости и живости, или ясности и постепенности, оттѣнки въ умственной сферѣ, опредѣляемые бо̀льшею или меньшею скоростью психическаго ритма, укажемъ и на соотвѣтствующія ей особенности въ области чувства и воли.

Что касается чувствъ, то само собою бросается въ глаза основное различіе чувствъ вызываемыхъ развитіемъ впечатлительности и сопровождающихъ энергическія дѣятельности вниманія. При преобладаніи первой очевидно развиваются чувства такъ-называемыя *пассивныя*, тѣ чувства, испытывая которыя человѣкъ приписываетъ ихъ возбужденіе не собственной дѣятельности, собственнымъ усиліямъ и намѣреніямъ, а тѣмъ *впечатлѣніямъ, по поводу которыхъ эти чувства въ его душѣ возникаютъ*,—тогда какъ *активныя*, сопровожда-

ющія собственныя сознаваемыя усилія, чувства самодѣятельности и произвольности, естественно должны преобладать у существа съ относительно слабою впечатлительностью и сильно развитою дѣятельностью вниманія. Эти активныя чувства, какъ чувства самодѣятельности, произвольности, относятся испытывающимъ ихъ существомъ къ себѣ самому, къ собственной его силѣ, какъ ихъ источнику, а не къ тѣмъ *предметамъ*, впечатлѣніямъ отъ нихъ и представленіямъ, которыя служатъ поводомъ къ развивающимъ эти чувства дѣятельностямъ его. Въ этихъ активныхъ чувствахъ человѣкъ черпаетъ сознаніе своей силы, своей относительной независимости отъ аффицирующихъ его предметовъ, переживаемыхъ имъ впечатлѣній, мѣняющихся въ его сознаніи представленій,—своей власти надъ ними и произвольности, возможности для него, сообразно своимъ цѣлямъ, *управлять ихъ теченіемъ*. И самые аффицирующіе его предметы, и впечатлѣнія его, и представленія въ томъ порядкѣ и той опредѣленности въ какихъ они ему даны независимо отъ его самодѣятельности, *утрачиваютъ для него постепенно свой все рѣшающій интересъ, свою живость и неодолимую понудительность*. Міръ данный ему, откуда исходятъ всѣ случайныя, безконечно разнообразныя аффекціи, у такого существа становится все блѣднѣе, однообразнѣе и безцвѣтнѣе по мѣрѣ того какъ весь интересъ, вся сила чувства и все сознаніе самости сосредоточиваются на собственной сознательной и произвольной дѣятельности, на распоряженіи собственными силами въ постепенномъ достиженіи одной, имъ опредѣленной и неизмѣняемой случайными, разнообразными вліяніями отвнѣ, задачи его. И съ этой точки зрѣнія такимъ образомъ впечатлѣнія и представленія у существа съ болѣе медленнымъ психическимъ ритмомъ и съ преобладаніемъ сознательной и произвольной дѣятельности вниманія, блѣднѣе, однообразнѣе и имѣютъ менѣе эмоціональный характеръ чѣмъ у существа съ болѣе быстрою смѣной психическихъ актовъ и состояній. Важно здѣсь то обстоятельство, что по мѣрѣ того какъ теряютъ въ живости и силѣ разнообразныя и влекущія человѣка въ разныя стороны, *безо всякой опредѣленной постепенности*, впечатлѣнія и, наоборотъ, крѣпнетъ сознаніе собственной самодѣятельности и произвольности, — 1) развивается *уменье регулировать* свои впечатлѣнія и реакціи на нихъ, задерживать ихъ и вызывать сообразно своимъ собственнымъ задачамъ,—

умѣнье *управлять своимъ вниманіемъ*, а 2) *общее настроеніе* человѣка, составляющее подкладку, темный фонъ всѣхъ событій совершающихся въ отчетливо сознаваемой сферѣ психической жизни, становится: а) *болѣе устойчивымъ* и б) измѣненія въ немъ получаютъ *менѣе рѣшающее, роковое и общее значеніе* для теченія сознательныхъ дѣятельностей.

Насколько умѣнье управлять своимъ вниманіемъ обусловливается слабостью пассивныхъ и развитіемъ активныхъ чувствъ, въ свою очередь усиливаемыхъ или ослабляемыхъ упражненіемъ этой способности,—объ этомъ едва ли необходимо распространяться послѣ того что было сказано о соотвѣтствующей развитію активныхъ чувствъ утратѣ *предметами* вниманія,—впечатлѣніями, ощущеніями, представленіями и тѣми порядками въ какихъ они непосредственно *даны* субъекту,—захватывающаго интереса и живости, при параллельномъ сосредоточеніи интереса на постоянныхъ и лишь постепенно измѣняющихся, болѣе и болѣе обширныхъ задачахъ дѣятельности. Едва ли необходимо также распространяться о *значеніи* для всего строя психической жизни и всего ея развитія, бо́льшаго или меньшаго развитія способности управлять своимъ вниманіемъ и посредствомъ его—болѣе или менѣе цѣлесообразно координировать свои представленія, понятія и движенія. Это значеніе въ области психологической не требуетъ уже доказательства послѣ того какъ признано даже въ области чисто-физіологическихъ и патологическихъ процессовъ, болѣе или менѣе усиливаемыхъ или задерживаемыхъ сосредоточеніемъ вниманія на соотвѣтствующихъ имъ ощущеніяхъ, чувствахъ и движеніяхъ (ссылаюсь на прекрасное изложеніе въ указанныхъ выше статьяхъ профессора Манассеина).

Вліяніе большей или меньшей напряженности вниманія на пониженіе или повышеніе *порога* чувствительности и слѣдовательно наименьшую силу раздраженія, способную вызывать опредѣленное ощущеніе, также какъ и на уменьшеніе той относительной *разницы* въ силѣ двухъ раздраженій, при которой различіе между соотвѣтствующими ощущеніями становится замѣтнымъ,—слишкомъ хорошо извѣстны. Но еще очевиднѣе необходимость напряженнаго, умѣющаго управлять собою вниманія, для всѣхъ *высшихъ* и болѣе сложныхъ психическихъ работъ, въ результатѣ которыхъ получаются сложные ряды и системы мыслей и дѣйствій. Всѣ эти работы вы-

полнимы лишь подъ условіемъ развитаго умѣнія долго сосредоточиваться на одномъ родѣ представленій или понятій съ отвлеченіемъ ото всего безконечнаго разнообразія смѣняющихся впечатлѣній окружающей дѣйствительности, тѣмъ назойливѣе вторгающихся въ нашъ внутренній міръ, чѣмъ сильнѣе впечатлительность и разсѣяннѣе вниманіе. Очевидно что развитіе сильныхъ пассивныхъ чувствъ въ высшей степени мѣшаетъ, развитіе же активныхъ чувствъ—помогаетъ осуществленію этихъ работъ.

Съ развитіемъ активныхъ чувствъ и общее настроеніе становится болѣе устойчивымъ, не легко нарушимымъ, потому что въ образованіи его въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ у существа съ быстрымъ психическимъ ритмомъ, участвуютъ непроизвольныя, случайныя, слѣдующія одно за другимъ безо всякой постепенности впечатлѣнія, и что самыя эти впечатлѣнія у существа съ болѣе медленнымъ психическимъ ритмомъ гораздо менѣе ярки, разнообразны, живы и эмоціональны. Чувства самодѣятельности, напряженій своей силы въ опредѣленномъ, разчитанномъ порядкѣ и постепенности, здѣсь настолько сильны и опредѣленны, что какъ бы заглушаютъ, отодвигаютъ на задній планъ безчисленныя мелкія, не доходящія до сознанія въ своей раздѣльности, разнообразныя чувства, сопровождающія всѣ переживаемыя душою случайныя внѣшнія или органическія, внутреннія раздраженія, и образующія своею совокупностью то что называется общимъ настроеніемъ. Очевидно что при такихъ условіяхъ тонъ настроенія будетъ гораздо устойчивѣе, прочнѣе, такъ какъ опредѣляется болѣе *постоянными и измѣняющимся* не скачками, но лишь постепенно элементомъ. Чтобы нарушить равновѣсіе такого настроенія и внезапно измѣнить его тонъ,—новое впечатлѣніе (раздраженіе) очевидно должно быть гораздо сильнѣе, неотразимѣе, должно гораздо существеннѣе и глубже затрогивать *всю* психическую и органическую экономію, чѣмъ то необходимо для нарушенія общаго настроенія, всецѣло зависящаго отъ безконечно-разнообразныхъ, эмоціональныхъ и быстро смѣняющихся впечатлѣній же. Нарушающее впечатлѣніе должно быть въ первомъ случаѣ тѣмъ болѣе сильно и потому, что здѣсь имѣется большая сила сопротивленія впечатлѣніямъ вообще, большая власть надъ ними, большее умѣнье регулировать свои впечатлѣнія и реакціи на нихъ. Неудивительно поэтому что чѣмъ развитѣе у человѣка это

умѣнье (сила вниманія) тѣмъ и его настроеніе устойчивѣе, менѣе подвержено разнымъ случайнымъ вліяніямъ, тогда какъ у существъ наиболѣе впечатлительныхъ и наименѣе „властныхъ надъ собою", богатыхъ пассивными и бѣдныхъ активными чувствами, каковы такъ-называемыя „нервныя" женщины и дѣти, общее настроеніе чрезвычайно нестойко. Насколько эта зависимость стойкости общаго настроенія отъ такого или инаго отношенія впечатлительности ко вниманію (слѣдовательно отъ такого или инаго психическаго ритма) имѣетъ существенное значеніе не только въ психической, но и въ жизненной экономіи вообще,—хорошо извѣстно и всякому педагогу и всякому врачу-практику. Но общее настроеніе у существа съ болѣе медленнымъ психическимъ ритмомъ, съ большимъ развитіемъ активныхъ чувствъ, сопровождающихъ напряженную дѣятельность вниманія и болѣе слабою впечатлительностью, не только устойчивѣе, а и вообще имѣетъ *менѣе рѣшающее*, все опредѣляющее и на все кладущее свою печать вліяніе на теченіе отчетливо-сознательной жизни и ея результаты—мысли и дѣйствія. Пассивныя чувства, развивающіяся при богатой впечатлительности и слабой самодѣятельности, по своему характеру вообще ближе къ чувствамъ органическимъ, со свойственною имъ малою опредѣленностью, *смутностью* и слѣдовательно *тѣмъ большею эмоціональностью* (степень эмоціональности чувства возможно считать вообще прямо пропорціональною степени его неясности по направленію и мѣрѣ, такъ-сказать, безпомощности его). Иное дѣло чувства активныя, вызываемыя самодѣятельностью: какъ болѣе сознательныя (вызываемыя сознательными напряженіями) они имѣютъ гораздо рѣзче опредѣленный, болѣе ясный характеръ (подобно активному мышечному чувству), необходимый имъ и для того чтобы они могли выполнить свое назначеніе въ координаціи психическихъ работъ; они гораздо менѣе первыхъ принадлежатъ къ области неяснаго, полусознательнаго настроенія и гораздо болѣе къ области ясной сознательной жизни. А этимъ они ставятся *подъ бо́льшій контроль вниманія и теряютъ въ эмоціональности* сравнительно съ чувствами пассивными. Понятно поэтому что со стороны настроенія, обусловленнаго почти исключительно смутными органическими чувствами, стоящими *внѣ* контроля вниманія, гораздо возможнѣе и неотразимѣе для сознанія, почти безсильнаго предъ ними, вмѣшательство въ жизнь со-

знанія, нарушающее цѣли и работы этой жизни, чѣмъ со стороны настроенія, опредѣляемаго главнымъ образомъ активными чувствами, принадлежащими почти всецѣло той же области отчетливаго сознанія, связанными съ его цѣлями и работами, и измѣняющимися лишь постепенно, по мѣрѣ сознательныхъ и расчитанныхъ измѣненій въ этихъ работахъ. Настроеніе въ одномъ случаѣ имѣетъ надъ сознаніемъ (resp. вниманіемъ) гораздо бо́льшую власть, чѣмъ въ другомъ, и зависитъ эта большая или меньшая власть, какъ мы видимъ, отъ преобладанія впечатлительности надъ вниманіемъ или обратно, преобладанія пассивныхъ или активныхъ чувствъ и, слѣдовательно, отъ бо́льшей или меньшей быстроты психическаго ритма.

Вліяніе различной скорости этого ритма на тонусъ отдѣльныхъ чувствъ и общее настроеніе сказывается еще и въ другомъ отношеніи. Этою скоростью опредѣляется, съ одной стороны, степень *разнообразія* переживаемыхъ впечатлѣній, психическихъ дѣятельностей и соотвѣтствующихъ чувствъ. Съ другой стороны, извѣстно что два основныя опредѣленія чувства, удовольствіе и страданіе, *не одинаково возрастаютъ по мѣрѣ своей длительности*, болѣе или менѣе быстрой смѣны, разнообразія ихъ. Тогда какъ возрастаніе удовольствія во времени ограничено, и за извѣстнымъ предѣломъ времени дальнѣйшее продленіе доставлявшихъ удовольствіе возбужденій доставляетъ все слабѣющія степени удовольствія, наконецъ вовсе исчезающаго,—страданіе во времени дѣйствія вызывающаго его возбужденія не ограничено, возрастаніе его во времени *безпредѣльно*. Естественно при этомъ что быстрая смѣна состояній и актовъ психической жизни способна давать мѣсто большой массѣ пріятныхъ чувствъ и поддерживать свѣтлое и жизнерадостное общее настроеніе, чѣмъ болѣе медленная смѣна психическихъ состояній и актовъ, дающая *менѣе поводовъ къ возникновенію* новыхъ чувствъ удовольствія и *болѣе—къ прекращенію* уже возникшихъ, *при болѣе широкой возможности неопредѣленнаго возрастанія чувствъ страданія:* здѣсь и общее настроеніе естественно менѣе свѣтлое и жизнерадостное, естественно имѣетъ болѣе меланхолическій и серіозный или даже злобный и мрачный оттѣнокъ. Перваго рода настроеніе связанное съ тою внутреннею ясностью, съ тѣмъ бо́льшимъ и лучшимъ умѣньемъ наслаждаться жизнію и цѣнить ее, которыя

такъ часто и совершенно вѣрно приписываются женщинѣ *, обусловливается, какъ мы видимъ, между прочимъ и болѣе быстрымъ ритмомъ ея психической жизни, тогда какъ болѣе медленному ритму психической жизни мущины соотвѣтствуютъ и его болѣе суровые, менѣе отрадные взгляды на жизнь и отношенія его къ ней и къ людямъ. Понятно, какъ одно это обстоятельство должно существенно отражаться во всѣхъ оттѣнкахъ внутренней жизни мущины и женщины и во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ отношеній къ окружающимъ людямъ и встрѣчнымъ событіямъ. Со своими различной быстроты психическими ритмами женщина и мущина не только различно *чувствуютъ* и цѣнятъ свою жизнь, но и такъ-сказать различно *звучатъ* въ жизни, подобно высокому тону, производящему яркое и низкому, производящему серіозно-меланхолическое впечатлѣніе въ музыкѣ. Важно это различіе въ преобладающемъ тонусѣ чувствъ и настроеніи у мущины и женщины еще и тѣмъ, что оно не можетъ не отражаться не только на бо́льшей или или меньшей охотѣ жить, но и на бо́льшей или меньшей силѣ жить, бо́льшей жизненности: и съ этой точки зрѣнія, такимъ образомъ, женщина обладаетъ бо́льшею энергіей жизненности, какъ и подобаетъ хранительницѣ жизни рода. **

Послѣ того что̀ было сказано о зависимости отъ болѣе или менѣе быстраго психическаго ритма разныхъ особенностей въ сферѣ представленій и чувствъ, едва ли нужно много говорить для выясненія соотвѣтствующихъ оттѣнковъ *воли*. Особенности въ жизни представленій и чувствъ не могутъ не отозваться такъ или иначе и на характерѣ волевой дѣятельности. Это очевидно уже потому что воля не есть отдѣльная, самостоятельная способность души, *наряду* съ другими самостоятельными способностями, какъ не есть такая особенная способность, ни представленіе само-по-себѣ, ни чувство, ни ламять, или вниманіе и т. п. И воля, и представленіе, и чувство (беря всѣ эти термины въ наиболѣе широкомъ значеніи ихъ) суть только три нераздѣльно - связанные, необходимо-солутствующіе одинъ другому момента единой и нераздѣльной, хотя и различно, въ разныхъ случаяхъ, *распредѣляющейся* *** между этими моментами, психической дѣя-

---

* Даже женщиноненавистниками каковъ напримѣръ Шопенгауэръ.

** Ср. мою суатью въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1881 г., XII.

*** И къ этому распредѣленію опять приложимо понятіе сохраненія

тельности, *той дѣятельности, въ результатѣ которой получается болѣе или менѣе отчетливое сознаніе*, болѣе или менѣе обширныя и сложныя группы ощущеній, представленій, мышечныхъ чувствъ и т. п. Положеніе о нераздѣльности воли, чувства и представленія, о необходимомъ участіи всѣхъ трехъ во *всякомъ* психическомъ актѣ или состояніи, за послѣдніе годы развитія психологіи пріобрѣтало въ наукѣ все болѣе и болѣе право гражданства, и Льюисъ совершенно напрасно пропысываетъ себѣ его открытіе; * открылъ онъ только оригинальное названіе для факта („психическій спектръ"), и въ настоящее время его можно считать достаточно установленнымъ. ** Можно въ настоящее время спорить только о первенствующемъ въ психической жизни *значеніи* того или другаго изъ этихъ трехъ моментовъ, но едва ли возможны попытки подобныя прежнимъ: выводить генетически волю и чувство изъ игры представленій, какъ дѣлала школа Гербарта, или волю и представленіе изъ чувства, какъ пытались сдѣлать отчасти Горвицъ, Шлейермахеръ, Фортляге, или представленіе и чувство изъ воли, какъ дѣлаютъ большинство послѣдователей философіи Шопенгауэра. Всякая изъ такихъ попытокъ имѣетъ за себя извѣстное оправданіе именно въ томъ *значеніи*, большемъ или меньшемъ смотря по точкѣ зрѣнія изслѣдователя, которое въ *исторіи* души или въ готовомъ, сложившемся психическомъ *строѣ* принадлежитъ представленію, волѣ и чувству; но помня о предѣлахъ своей точки зрѣнія, ни одна изъ нихъ не должна забывать что prius представленію предъ волей и чувствомъ или обратно можетъ принадлежать только *логически* (въ смыслѣ опредѣляющаго цѣлое значеніе), но никакъ не въ смыслѣ дѣйствительнаго *причиненія*, выростанія представленія и воли изъ бывшаго реальнымъ и безъ нихъ чувства или представленія и чувства изъ бывшей реальною до ихъ возникновенія воли. Обращая вниманіе на послѣдній результатъ и цѣль психической работы, отчетливое и ясное сознаніе, мы можемъ въ этой *цѣли* видѣть опредѣляющій моментъ всего процесса, наибольшее значеніе въ психической жизни придавать міру представленій;

силы, какъ видно было напримѣръ на обратномъ отношеніи впечатлительности и вниманія, или на обратномъ отношеніи ясности (сознательности) представленія и его эмоціональности (тонуса чувства.)

* Въ *Вопросы жизни и духа.*

** Ср. напримѣръ Вундта *Основы физіологической психологіи.*

обращая вниманіе на реализующую стремленіе къ полученію представленія *дѣятельность*, мы имѣемъ основаніе выводить коренныя формы душевной жизни изъ этой реализующей силы, сводить ихъ на нее, какъ дѣлаетъ напримѣръ очень хорошо г. Владиславлевъ; наконецъ имѣя въ виду непосредсивенную *цѣнность*, реальную значимость для психическаго существа его состояній и актовъ, мы совершенно правы, ставя чувство прежде блѣднаго, холоднаго результата осуществленной дѣятельности, идеальнаго представленія, и выше не знающей внѣ чувства ни своей мѣры, ни своего назначенія, чисто реальной воли, — какъ момента идеально-реальнаго, соединяющаго въ себѣ и знаемость представленія, и реальную силу воли, съ *непосредственною цѣнностью*. Но подъ какимъ угломъ зрѣнія ни изображался бы предпредметъ, психическая жизнь, невозможно упускать изъ виду необходимости всѣхъ трехъ моментовъ въ связи между собой для того чтобы состоялось хотя одно психическое событіе съ несомнѣннымъ характеромъ психическаго. Эта связь несомнѣнна уже потому, что стремленіе *жить* осуществимо только въ той мѣрѣ въ какой осуществленіе это *даетъ о себѣ знать* живущему въ формѣ чувствъ страданія и наслажденія, указывающихъ на его цѣнность,—и ощущеній или представленій, указывающихъ на поводы которые возбуждаютъ эти чувства, и руководящихъ движеніями, посредствомъ которыхъ эти поводы удерживаются или устраняются. Стремленіе жить неотдѣлимо отъ стремленія *сознавать* свою жизнь, быть сознательнымъ, хотя это конечно не значитъ еще чтобы все развитіе сознанія имѣло значеніе *только средства* „приспособленія внутреннихъ отношеній организма къ внѣшнимъ отношеніямъ среда“, и было *только* „расширеніемъ и спеціализаціей соотвѣтствія“ между тѣмъ и другимъ, какъ думаетъ Г. Спенсеръ. Это совпаденіе стремленія жить со стремленіемъ къ сознательности уясняетъ намъ взаимное отношеніе между тремя моментами осуществляющей послѣднее психической дѣятельности: представленіемъ, волей и чувствомъ. Въ этой дѣятельности представленіе (разумѣя здѣсь и собственно представленіе, и мускульныя чувства, чувства усилія извѣстной мѣры и направленія при движеніи) есть *конечный результатъ* ея и задача; результатъ этотъ достижимъ лишь посредствомъ *осуществляющей* его волевой дѣятельности (вниманія, болѣе или менѣе произвольной иннер-

вацiи); чувство же является *показателемъ, оцѣнкой* соотвѣтствiя или несоотвѣтствiя полученнаго результата (группы представленiй о своемъ тѣлѣ и внѣшнемъ мiрѣ, или группы мышечныхъ ощущенiй) съ направленною на его полученiе волевою дѣятельностiю, *по ея мѣрѣ и направленiю*, и того и другаго съ общимъ настроенiемъ, оцѣнкою выражающеюся въ элементарныхъ чувствахъ удовольствiя и страданiя. При такомъ положенiи дѣла очевидно что ни воля невозможна безъ представленiя и чувства, ни представленiе или чувство безъ воли и другъ безъ друга, и что все совершающееся въ одной сферѣ необходимо должно отражаться и въ другихъ. Иное понятiе объ отношенiи между представленiемъ, волей и чувствомъ возможно лишь или для психологiи, придерживающейся давно (со времени Гербарта и Бенеке) антиквированной „теорiи способностей“, или для психологiи, выводящей сознанiе и его жизнь изъ „безсознательнаго“, будь это безсознательное опредѣляемо въ идеалистическомъ смыслѣ (Шопенгауэръ-Гартманнъ), или матерiалистическомъ, совершенно несовмѣстимомъ съ теорiей параллелизма двухъ точекъ зрѣнiя, внутренней и внѣшней, не допускающей никакого перехода изъ одной въ другую, или вывода одной изъ другой. Но „теорiя способностей“ стала уже анахронизмомъ въ наукѣ, какъ не только совершенно безплодная въ *объясненiи* душевной жизни, но и создающая этому объясненiю массу неодолимыхъ затрудненiй. Физiологически единство и нераздѣльность трехъ моментовъ полнаго психическаго процесса также несомнѣнны. Горвицъ совершенно основательно утверждаетъ что въ полномъ нервномъ аппаратѣ SC (чувствительный нервъ), CC′ (коммиссура, соединяющая чувствительную клѣтку C съ началомъ двигательнаго нерва C′) и C′M (двигательный нервъ, оканчивающiйся въ мускулѣ) присутствуетъ нигдѣ не прерывающiйся, не представляющiй пробѣла нервный токъ, причемъ „душа“ уже представляется не особымъ чл еномъ въ *срединѣ* процесса, какъ бы со стороны въ него втѣшивающимся и связующимъ его начало съ концомъ, но *весь процессъ* (весь аппаратъ) *съ начала до конца одушевленъ*. Отсюда Горвицъ и выводитъ очевидное заключенiе что „нѣтъ ощущенiя безъ движенiя *, и обратное, менѣе очевидное, но съ нашей точки зрѣнiя не менѣе несомнѣнное

* Psychologische Analysen a. ph. Grundl. I, 192.

положеніе: нѣтъ движенія (въ живомъ организмѣ) безъ какого бы то ни было ощущенія", причемъ сознательность, ясность ощущенія отъ измѣненій въ органѣ или ткани обусловливаются степенью *подвижности* послѣднихъ. Въ признаніи этихъ положеній значительною частію современныхъ психологовъ (въ особенности стоящихъ на физіологической почвѣ) мы видимъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ успѣховъ будущей психологіи; а признавъ ихъ нельзя уже говорить не только о жизни воли, независимой отъ чувства и представленія, но даже и о какомъ-либо *реальномъ* prius'ѣ одного изъ нихъ предъ другими: они есть или всѣ три вмѣстѣ, или нѣтъ ни одного изъ нихъ, такъ же какъ нѣтъ круга безъ радіуса. Что касается, наконецъ, понятій нѣкоторыхъ философовъ о какой-то „безсознательной волѣ", не только существующей независимо отъ какого бы то ни было ощущенія и чувства, безусловно внѣ и до сознанія, но даже дающей имъ изъ себя бытіе (или бытіе вообще, или бытіе только въ сознаніи), то критика ихъ слишкомъ далеко завела бы насъ, и еслибъ имѣла какой-либо метафизическій интересъ, психологически оставалась бы совершенно безплодною.

Пусть въ метафизикѣ допускается возможность говорить о безсознательныхъ (то-есть не представляемыхъ и не бывшихъ никогда ни въ какой мѣрѣ представляемыми) представленіяхъ, о безознательныхъ (то-есть ни въ какой мѣрѣ не чувствуемыхъ) чувствахъ, о волѣ которая хочетъ и въ то же время ничего не хочетъ, которая сама рѣшительно ничего не знаетъ („глупа", по выраженію Шопенгауэра) и однакоже прекрасно умѣетъ выбирать изъ массы гдѣ-то и какъ-то заготовленныхъ для нея представленій то именно, въ которомъ она въ настоящую минуту нуждается (Гартманнъ),—о волѣ, существо которой въ томъ чтобъ утверждать свое бытіе, а идеалъ въ томъ чтобъ отрицать это бытіе и т. п. Все это можетъ-быть и очень любопытно, но въ психологіи найти себѣ мѣста не можетъ. Здѣсь то, что не было и не есть какимъ-нибудь образомъ и въ какой-нибудь мѣрѣ въ сознаніи, вовсе и не считается психическимъ, ни сознательнымъ, ни безсознательнымъ, и слѣдовательно *психологически* prius ему предъ чувствомъ и ощущеніемъ принадлежать не можетъ. Можно конечно ограничиваться изученіемъ вполнѣ сложившагося человѣка, у котораго рядомъ съ областью сознательныхъ работъ есть и вполнѣ законченная организація

и, глядя на него, быть увѣренну въ томъ что вся его настоящая сознательная жизнь совершается на *основаніи* безсознательнаго, организованнаго, одареннаго только вполнѣ безсознательною *физіологическою волей*. Но обративъ вниманіе на исторію души (а психологіи безъ нея нѣтъ), на постепенное *образованіе* этихъ автоматическихъ, организованныхъ *основъ* сознанія, мы вездѣ, какъ далеко ни доведетъ насъ *психологическое* изслѣдованіе, найдемъ что эти безсознательныя, организованныя основы суть наколившіеся результаты (запасы) долгихъ предшествовавшихъ сознательныхъ работъ (какъ это видно на всѣхъ пріобрѣтенныхъ индивидомъ и цѣлымъ родомъ навыкахъ, инстинктахъ и т. п.). Тамъ гдѣ сознательная, психическая работа въ основаніи автомата уже не видна намъ, тамъ и останавливается психологія и начинается физіологія.

Но если *психологически* prius и самостоятельность безсознательному принадлежать не можетъ, то по отношенію къ занимающей насъ волѣ невозможно это и *физіологически*, или скорѣе—физіологія вообще къ вопросу о волѣ въ собственномъ смыслѣ *прямаго отношенія вовсе не имѣетъ*. Воля съ тѣлеснымъ аппаратомъ прямаго, непосредственнаго дѣла никогда не имѣетъ; она вѣчно вращается въ кругѣ ощущеній, представленій, понятій, болѣе или менѣе сложныхъ группъ мускульныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ представляемымъ движеніямъ, пріятныхъ или тягостныхъ чувствъ, вызываемыхъ ея работами и ихъ результатами. На *нихъ* она прямо направлена, ихъ она болѣе или менѣе успѣшно (что̀ зависитъ, конечно, и отъ совершенства тѣлеснаго аппарата, организаціи, дающей ей готовыя средства работы) вызываетъ или подавляетъ, какъ вниманіе и произвольная иннервація; *и уже это* влечетъ за собою физіологическія послѣдствія сокращенія мышцъ, расширенія или суженія сосудовъ, усиленія и ослабленія дѣятельности железъ и т. п. Поэтому воля, въ собственномъ смыслѣ, *всегда сознательна* и имѣетъ непосредственно дѣло только съ сознательнымъ. Мы непосредственно не знаемъ ничего, говоритъ Лотце, о положеніи мускуловъ и ихъ способности сокращаться, также какъ и о существованіи и отправленіи двигательныхъ нервовъ; даже и тотъ кто научно ознакомился съ тѣмъ и другимъ, все-таки не сумѣетъ опредѣлить природу того процесса которымъ возбуждаются нервы, или тѣхъ путей по которымъ душа

можетъ сообщать имъ необходимые импульсы.“ Лотце отсюда заключаетъ что „хотя мы можемъ сами хотѣть, но не можемъ сами совершать хотимое, и что скорѣе съ нашею волей и другими состояніями души нѣкоторый, вполнѣ отъ нашей воли независимый естественный порядокъ съ механическою необходимостью связалъ измѣненія нашего тѣла, изъ которыхъ должны развиваться движенія извѣстныхъ членовъ, опредѣленныя по силѣ и направленію“ *. Въ этомъ выводѣ Лотце, увлекаясь повидимому своею теоріей о параллелизмѣ душевныхъ явленій тѣлеснымъ не по внутреннимъ основаніямъ, но по трансцедентнымъ, слишкомъ мало значенія придаетъ тому обстоятельству, что намъ *непосредственно* извѣстно (и находится въ нашей власти) и то *звено*, которое связуетъ измѣненія въ нашей душѣ съ механическими измѣненіями тѣла и доставляетъ намъ, психическимъ субъектамъ, власть надъ неизвѣстнымъ намъ и неподвластнымъ непосредственно тѣломъ. Таково именно *мускульное чувство*, дающее намъ, своими ассоціаціями со зрительными и ослзательными ощущеніями положенія нашего тѣла и его членовъ, возможность направлять иннервацію куда нужно, и въ той силѣ съ какой это нужно для произведенія такихъ или иныхъ движеній членовъ, на мускулы которыхъ иннервація переходитъ,—возможность *произвольнаго движенія, согласно представленію* о такомъ или иномъ движеніи. Горвицъ совершенно основательно замѣчаетъ что такъ-называемый произволъ нашъ простирается лишь на созданіе *представленій* о извѣстныхъ движеніяхъ **; но съ этими представленіями непремѣнно связаны и группы болѣе или менѣе слабыхъ мышечныхъ ощущеній соотвѣтствующихъ движеній, съ одной стороны усиливающихъ представленіе о движеніи, а съ другой—*усиливаемыхъ* имъ до той степени (въ извѣстныхъ случаяхъ) когда они разрѣшаются дѣйствительными движеніями. Связь ощущенія съ движеніемъ здѣсь именно подтверждается наиболѣе блестящимъ образомъ. Извѣстно, „какъ сосредоточенное на чемъ-либо вниманіе заставляетъ человѣка безсознательно совершать то или другое движеніе“. Съ другой стороны „спеціальное мускульное дѣйствіе, по вѣрному замѣчанію Маудслея, есть не только *выраженіе* страсти, но и дѣйствительная составная часть ея: когда мы

---

* *Medicinische Psychologie*, p. 287.

** *Psychologische Analysen* etc. I. 196.

въ то время, какъ наши черты выражаютъ одну страсть, попытаемся внутренно настроить себя на другую, то скоро убѣдимся въ невозможности этого.“ * Подтвержденіе указанной возбуждаемости движенія соотвѣтствующимъ ощущеніемъ и ощущенія — соотвѣтственнымъ движеніемъ представляютъ намъ всѣ мимическія и подражательныя движенія, роковымъ образомъ вызываемыя при извѣстной незанятости вниманія или неумѣніи его регулировать свои впечатлѣнія, представленіями о этихъ движеніяхъ,—извѣстное всѣмъ невольное желаніе броситься въ находящуюся у нашихъ ногъ пропасть при возникновеніи представленія о неизбѣжности и опасности паденія,—не менѣе извѣстное расположеніе нѣкоторыхъ, особенно слабыхъ и неспособныхъ къ энергической и произвольной дѣятельности вниманія, субъектовъ, симулирующихъ какую-либо болѣзнь (напр. эпилепсію) или даже просто сильно пораженныхъ зрѣлищемъ ея приладковъ, къ дѣйствительному заболѣванію этою болѣзнью,—столь же извѣстныя эпидеміи подражательнаго самоубійства, или эпидемическаго помѣшательства цѣлой большой массы людей на одномъ представленіи (выраженіе чувства у одного вызываетъ подражательное движеніе, развивающее то же чувство у другаго и такъ дальше) кликушества, средневѣковыхъ умственныхъ эпидемій и т. д. и т. д. Всѣхъ примѣровъ здѣсь перечислить невозможно, да это и не нужно. „Всякое ощущеніе обусловлено извѣстнымъ движеніемъ“ и, наоборотъ, „всякое представленіе сопровождается болѣе или менѣе сильною иннервацією опредѣленныхъ мышечныхъ группъ“,—если эта иннервація не задерживается преднамѣренно и съ опредѣленнымъ усиліемъ, какъ всякій изъ насъ можетъ убѣдиться самъ на той болѣе или менѣе ясной иннервации голосовыхъ мышцъ, которою сопровождается процессъ мысленной рѣчи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ неотдѣлимый отъ самаго процесса мышленія,—иннервации, настолько сильной у малоразвитыхъ, маловластныхъ надъ собою субъектовъ что они вовсе неспособны читать и даже думать иначе, какъ громко, то-есть совершая дѣйствительныя движенія голосовыхъ мышцъ. (И чѣмъ сильнѣе заняты мы своею мыслью, чѣмъ глубже и исключительнѣе погружены въ нее всѣмъ нашимъ вниманіемъ, тѣмъ сильнѣе совершается и эта иннервація, тѣмъ легче мо-

* *Физіологія и патологія души.*

жемъ мы застигнуть себя шепчущими то, что думаемъ.) Поэтому болѣе чѣмъ простою аналогіей долженъ представляться слѣдующій параллелизмъ на который указываетъ Горвицъ: „сочувственному движенію, то-есть несдержанному распространенію волны двигательнаго возбужденія на всѣ анатомически между собою связанные центры движенія, соотвѣтствуетъ, съ чувственной стороны, *сочувствіе*; пріобрѣтенному черезъ случай и повтореніе расположенію къ опредѣленнымъ рядамъ и группамъ движеній и происходящимъ отсюда *ассоціаціямъ движеній* соотвѣтствуетъ *ассоціація представленій*, и наконецъ—намѣренной *координаціи* опредѣленныхъ движеній для извѣстной цѣли, совершаемыя съ подборомъ ассоціаціи представленій въ *мышленіи*.“ Если эта связь между представленіями и движеніями дѣйствительно существуетъ и необходима,—а мы считаемъ ее, вмѣстѣ съ новою психологіей, за одну изъ коренныхъ истинъ,—то несомнѣнно также что *характеромъ представленій и связей между ними обусловливается и весь-ма характеръ воли*, такъ какъ воля есть именно способность вызывать болѣе или менѣе обширную и сложную группу движеній (или психическихъ актовъ репродукціи, синтеза и т. п.) соотвѣтственно болѣе или менѣе обширной, сложной и связной группѣ представленій. И обширность, и сложность, и связность группъ представленій, какъ видно изо всего сказаннаго раньше, прямо опредѣляются большею или меньшею скоростью психическаго ритма; поэтому и воля—*способность вызывать соотвѣтствующія представленіямъ группы психическихъ и физическихъ актовъ*, у двухъ существъ съ неодинаково быстрымъ психическимъ темпомъ будетъ не одинаково выдержана, стойка, сознательна и произвольна. Она будетъ—не одинаково сильна, такъ какъ „сила“ воли измѣряется именно способностью долгаго и напряженнаго сосредоточенія ея на рядѣ однородныхъ дѣйствій требуемыхъ для осуществленія одной задачи. Чѣмъ болѣе выдержки, сосредоточенности,—чѣмъ обширнѣе ряды въ мірѣ представленій, тѣмъ больше выдержки, сосредоточенности и тѣмъ обширнѣе ряды въ области волевыхъ движеній.

Къ этому присоединяется, съ другой стороны, то обстоятельство что представленіе вообще становится *мотивомъ* воли не иначе какъ въ соединеніи съ болѣе или менѣе сильнымъ чувствомъ. Поэтому у существа, у котораго вообще представленія имѣютъ болѣе яркій и эмоціональный харак-

теръ, они вообще же легче и быстрѣе (независимѣе отъ своего отношенія къ другимъ представленіямъ и массамъ представленій) могутъ дѣлаться мотивами воли. Слѣдовательно у такого существа (то-есть у существа съ болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ) мотивы вообще будутъ гораздо разнообразнѣе, независимѣе другъ отъ друга (изолированнѣе, какъ изолированнѣе у него и представленія) и ихъ будетъ болѣе, а слѣдовательно и направленіе воли гораздо менѣе опредѣленно и постоянно, воля гораздо болѣе разсѣянна, такъ-сказать дробна, чѣмъ у существа съ менѣе эмоціональнымъ характеромъ представленій и бо́льшею властью надъ ними и надъ связями ихъ между собою, то-есть у существа съ болѣе медленнымъ психическимъ темпомъ. Такое различіе у того и другаго въ характерѣ воли представится намъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что у того же самаго существа, которое отличается эмоціональностью, яркостью своихъ представленій и разнообразіемъ, дробностью своихъ мотивовъ,—и группы его представленій гораздо *менѣе обширны* и сложны, гораздо менѣе *связаны* одна съ другой, самая связь внутри каждой группы гораздо *менѣе сознательна* и произвольна, все теченіе сознательныхъ работъ въ *бо́льшей мѣрѣ* опредѣляется настоящимъ общимъ настроеніемъ и самое настроеніе *менѣе* устойчиво. Здѣсь открывается полная круговая порука: дѣйствіе, вызванное извѣстною причиной, обратно дѣйствуетъ на свою причину, въ свою очередь усиливая ее, и одно другое поддерживаетъ и усугубляетъ. Такъ, ощущеніе вызываетъ движеніе; но это самое вызванное имъ движеніе, помимо сопровождающаго его мышечнаго чувства, доставляетъ душѣ еще новое ощущеніе (отъ измѣненнаго движеніемъ положенія мускула и его точекъ прикрѣпленія, положенія органа и т. п.); а это новое ощущеніе видоизмѣняетъ и опредѣляетъ первое, крѣпко ассоціируется съ нимъ чрезъ посредство мышечнаго чувства и усиливаетъ его опредѣленность, яркость и крѣпость въ памяти и въ ассоціаціи. Описанный здѣсь процессъ взаимодѣйствія между ощущеніемъ и движеніемъ, *тѣмъ болѣе отчетливый и энергичный, чѣмъ болѣе непроизвольный, отраженный характеръ онъ имѣетъ*, чѣмъ менѣе непосредственная реакція движенія на ощущеніе (или обратно) сознательно задерживается и направляется (чѣмъ она слѣдовательно быстрѣе), очевидно долженъ вести къ еще бо́льшей яркости, эмоціональности и непроизвольности въ связываніи пред-

ставленій, а слѣдовательно и къ бо́льшему разнообразію и случайности мотивовъ у существа, у котораго жизнь представленій и безъ того уже менѣе сознательна и произвольна, а мотивы и безъ того уже болѣе разнообразны, дробны и случайны. Слѣдуетъ изъ преобладанія этого процесса съ *отражеинымъ* характеромъ у существа съ болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ и другая еще важная особенность его мотивовъ. Извѣстно что быстрый исходъ вызваннаго какимъ-либо впечатлѣніемъ психическаго возбужденія въ энергическихъ словахъ, рѣчахъ и дѣйствіяхъ дѣлаетъ самый *слѣдъ возбужденія* въ душѣ болѣе *поверхностнымъ*, *изолированнымъ* между тѣмъ какъ сто́ющее часто громадныхъ усилій сознательное задержаніе этого исхода во внѣ заставляетъ возбужденіе, такъ сказать, расти во внутрь, распространяясь на *болѣе широкія* психическія области, втягивая въ свой кругъ бо́льшую и бо́льшую массу представленій и желаній и развиваяь такимъ путемъ въ болѣе *глубокое* и длительное чувство. Отъ этого энергія чувства (въ его выраженіи) не только не можетъ служить мѣриломъ его *глубины*, но одно къ другому въ нормальныхъ, не совершенно исключительныхъ случаяхъ стоитъ въ *обратномъ* отношеніи: * самыя энергическія чувства обыкновенно и наименѣе глубокія. Понятно при этомъ какъ у существа съ быстрымъ психическимъ ритмомъ, съ преобладаніемъ отраженнаго характера въ двигательныхъ реакціяхъ на впечатлѣнія, при меньшей сознательности и произвольности, необходимыхъ для задерживанія и регулированія ихъ, *чувства* при бо́льшей эмоціональности и яркости соотвѣтствующихъ представленій вообще *менѣе глубоки*. И мотивы у него нетолько, значитъ, болѣе многочисленны, разнообразны и взаимно независимы, дробны, но и менѣе глубоки (всеобъемлющи и постоянны) чѣмъ у существа съ болѣе медленнымъ психическимъ ритмомъ; воля у него и съ этой точки зрѣнія должна быть болѣе *разсѣянна*. Этимъ объясняется почему обладающая болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ женщина, которая такъ много и страстно, сравнительно съ мущиною того же воспитанія и развитія, говоритъ и жестикулируетъ, по очень давнему и очень вѣрному замѣчанію, „никогда не бываетъ вполнѣ праздною, но за то и всѣ дѣла дѣлаетъ только *между дѣломъ*“.

* Ср. Владиславлева *Психологія* т. II, стр. 210 и слѣд.

Наконецъ должно обратить вниманіе еще на одно существенное различіе волевой дѣятельности у двухъ существъ съ различною скоростью психическаго ритма, вытекающее изъ различія тѣхъ чувствъ которыя всякому изъ нихъ по преимуществу свойственны и посредствомъ своей связи съ представленіями приводятъ и къ соотвѣтствующему различію мотивовъ. Мы видѣли что при преобладаніи впечатлительности надъ произвольною и сознательною дѣятельностью вниманія развиваются, въ связи съ представленіями, преимущественно чувства пассивныя, имѣющія органическій, болѣе смутный и, пропорціонально своей неясности, эмоціональный характеръ; тогда какъ усиленная произвольная дѣятельность вниманія, регулирующаго свои впечатлѣнія и сознательно группирующаго ихъ согласно своимъ цѣлямъ, развиваетъ при ясныхъ, но сравнительно блѣдныхъ, не поглощающихъ всего интереса представленіяхъ, чувства активныя, чувства самодѣятельности, силы. Но представленіе становящееся мотивомъ лишь чрезъ связь свою съ живымъ, волнующимъ, но неяснымъ и пассивнымъ чувствомъ, остается мотивомъ только болѣе или менѣе интенсивнаго *желанія*, тогда какъ представленіе обращаемое въ мотивъ чувствомъ вполнѣ опредѣленнымъ и активнымъ, чувствомъ самодѣятельности и произвольности, естественно становится мотивомъ собственно *воли*, ведущимъ къ осуществляющей его дѣятельности. Въ одномъ случаѣ, при всѣхъ остальныхъ условіяхъ слабости и разсѣянности воли, мы получаемъ еще преобладающее развитіе *желательной способности*, въ другомъ, при всѣхъ условіяхъ силы и стойкости воли, развитіе *дѣятельныхъ стремленій*, самодѣятельности. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на дѣло, болѣе быстрый психическій ритмъ; развивающій впечатлительность, механическую память, непроизвольныя ассоціаціи, желательную способность, яркія и разнообразныя пассивныя чувства, не благопріятствуетъ образованію воли сильной и стойкой, дѣятельно преслѣдующей свои задачи чрезъ обширныя и сложныя цѣли искусно, систематически и съ трудомъ подбираемыхъ средствъ, сосредоточенными и продолжительными усиліями, отъ которыхъ не отвлекало бы ее все разнообразіе тѣсняющихся въ душу со всѣхъ сторонъ впечатлѣній, ни интенсивность возникающихъ въ душѣ преходящихъ желаній, ни измѣненія въ тонусѣ и силѣ темной, полусознательной подкладки всей жизни сознанія,—

общемъ настроеніи. Условія благопріятствующія образованію такой сильной и стойкой воли мы встрѣчаемъ наоборотъ въ болѣе медленномъ психическомъ ритмѣ, со свойственною ему большею сознательностью и произвольностью психическихъ процессовъ. Доказательства этого положенія, представленныя въ предшествующемъ сжатомъ очеркѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ сущности суть только поясненія, иллюстраціи одной вполнѣ очевидной истины установленной нами уже въ началѣ: болѣе медленный психическій ритмъ, соотвѣтствующій пропорціонально бо́льшей сознательности (resp. сложности) и произвольности психическихъ работъ, есть и ритмъ соотвѣтствующій болѣе энергической дѣятельности *вниманія*, всегда обратно пропорціональной развитію *впечатлительности*. А дѣятельность вниманія не только есть волевая дѣятельность, но и именно *вся* волевая дѣятельность (мы не говоримъ о „физіологической“ волѣ) есть только дѣятельность вниманія (произвольной иннерваціи). Сильная воля и развитое вниманіе, слабая воля и разсѣянное вниманіе—это синонимы. И въ области воли, какъ въ области чувства и представленія, различная скорость психическаго ритма, обусловливающая преобладающее развитіе впечатлительности или вниманія, даетъ начало *не случайнымъ, но совершенно необходимымъ и типическимъ особенностямъ, лежитъ въ основаніи двухъ существенно различныхъ психическихъ типовъ, мужскаго и женскаго.**

Различія между этими типами указаны мною въ настоящей бесѣдѣ, лишь на самыхъ общихъ и элементарныхъ психическихъ отношеніяхъ, не касаясь характеристики соотвѣтствующихъ особенностей въ конкретныхъ, сложныхъ, умственныхъ и нравственныхъ проявленіяхъ психической жизни, всегда представляющихъ сложный *результатъ взаимодѣйствія* мысли, чувства и воли. Сдѣлано это мною не безъ намѣренія. Самая вытекающая отсюда сравнительная общность и сухость изложенія обусловливала возможность его бо́льшей точности и спокойной объективности, столь необхо-

* Различная скорость психическаго ритма связана нетолько съ различіемъ половъ, но и съ различіями возрастовъ, темпераментовъ характеровъ; но во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ она прямо обусловлена или временными или личными причинами, въ первомъ же—общими и постоянными (сравнительно-большее разнообразіе и сложность органическихъ функцій). Знающему дѣло понятно и значеніе измѣненій этой скорости въ области „*Психіатріи*“.

димыхъ при установленіи научныхъ началъ предмета, сдѣлавшагося до науки и независимо отъ нея предметомъ самой жгучей полемики и практической борьбы. Съ другой стороны, идя такимъ путемъ, намъ было возможно гораздо очевиднѣе и несомнѣннѣе выяснить себѣ связь между *дѣйствительными законами* психической дѣятельности и ея бо́льшею или меньшею скоростью, * руководясь закономъ сохраненія силы въ формулѣ: скорость обратно пропорціональна массѣ,—закономъ, приложеніе котораго въ физіологической области выяснило намъ и давно уже установленныя научно-физіологическія особенности половъ. ** Заручившись этими простыми и безспорными *началами* научнаго объясненія основныхъ психическихъ различій между полами въ ихъ *естественности* и *необходимости*,—въ ихъ независимости отъ какихъ-либо случайныхъ и временныхъ условій,—мы уже подготовлены обратиться и къ *научной* оцѣнкѣ громаднаго эмпирическаго матеріала женской психологіи, собраннаго исторіей, философіей и искусствомъ всѣхъ временъ и народовъ,—къ сложнымъ и конкретнымъ, умственнымъ и нравственнымъ проявленіямъ женской души, смыслъ и достоинство которыхъ такъ различно истолковывается. Это истолкованіе, опирающееся уже на точныя научныя основанія, и составитъ предметъ нашихъ послѣдующихъ бесѣдъ по психологіи женщины. Да послужитъ сравнительно отвлеченная и работа сухая совершенная нами сегодня, къ выясненію нами себѣ смысла столь частоне признаваемой нынѣ даже женщиною женственности, во всей ея глубокой духовной прелести, святости, силѣ и значеніи для человѣчества которому она уже столько дала. Да послужитъ она намъ къ укрѣпленію убѣжденія въ томъ что эта прелесть, сила и достоинство,—необходимо обусловленныя *тѣми же*

* И Милль повидимому былъ близокъ къ этой мысли; но практическая „тенденція“ здѣсь извратила у него мысль и помѣшала ей развиться. „Умственный процессъ, говоритъ онъ *(О подчиненіи женщины*, стр. 165) у мущины совершается медленнѣе, и онъ не въ состояніи ни мыслить такъ быстро какъ женщина, ни такъ быстро принимать ощущенія, *ибо бо́льшія тѣла вообще приводятся въ движеніе медленнѣе*“. Фактъ вѣренъ, давно подмѣченъ и общеизвѣстенъ. Но и *основаніе* его, какъ мы видимъ, далеко не понято Миллемъ, и въ особенности *значеніе* этого факта во всей психической жизни половъ не только не понято, а и понято прямо превратно.

** Ср. мою статью въ *Р. В.*, XII.

основными психическими особенностями, изъ которыхъ вытекаетъ и слабость, и ограниченность женскаго тила въ другихъ отношеніяхъ,—стоятъ и ладаютъ вмѣстѣ съ ними, не *несмотря* на нихъ, а *благодаря* имъ; что въ женщинѣ, со всѣми ея слабостями и силами, должно чтить не только черты общаго тила „человѣкъ“, но именно женщину, и что только въ соединеніи своихъ противоположныхъ особенностей въ одно цѣлое, а не въ искорененіи ихъ во имя математическаго „равенства“,—возможность *взаимнаго восполненія* одинаково односторонними и ограниченными мужскимъ и женскимъ тилами до одного цѣлькаго и прекраснаго образа человѣчности.

